

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Алексей ПЕХОВ

ТЁМНЫЙ ОХОТНИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Алексей Пехов

Тёмный охотник (сборник)

«Автор»

2006

Пехов А. Ю.

Тёмный охотник (сборник) / А. Ю. Пехов — «Автор», 2006

ISBN 978-5-9922-0172-7

У Гаррета очередные неприятности – Авендум наводнили темные эльфы и все как один хотят его крови. По Лыдыстым землям идет грозный Пожиратель душ, распугивая живых и мертвых на своем пути, а в дремучих лесах Сандона никак не закончится долгая кровопролитная война между Высокородными и людьми. Непокойно в Столице – на головы киндрэт, того и гляди, падет призванный из небытия Тёмный Охотник. Но все это мелочи по сравнению с тем, что творится у границы Изнанки, где особый почтовый вертится словно волчок, пытаясь избежать очень больших бед. В этом сборнике Алексей Пехов рассказывает нам неизвестные истории хорошо знакомых миров – Сиалы, Хары и Киндрэт. А также знакомит с совершенно новым миром на границе Изнанки.

ISBN 978-5-9922-0172-7

© Пехов А. Ю., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Мир Сиалы	5
Змейка	5
Мир Ветра и Искр	20
Пожиратель душ	20
Цена свободы	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Алексей Пехов

Темный охотник: Рассказы

Мир Сиалы

Змейка

– Ну, и что ты думаешь, Гаррет? – спросил Гозмо.

Прежде чем ответить, я скучающим взглядом окинул пустой трактирный зал и только потом выдал фразу, вертевшуюся на языке с того самого момента, как он предложил Заказ.

– Мне это не нравится.

– Да ладно! – тут же возмутился старикан. – Работа плевая, оплата сдельная, тебе и делать-то ничего не надо.

– Вот это и настораживает. – Настроение у меня было мрачное, и я счел своим прямым долгом испортить его окружающим. – Все слишком просто, значит, жди неприятностей.

– Слушай, за кого ты меня принимаешь?! Я хоть раз подкидывал тебе гнилые Заказы?

– Да. – Я был безжалостен. – В последнем предприятии фигурировали большие злые собаки. Хорошо, что я быстро бегаю.

– Это издержки нашей работы, – отмахнулся он. – Случаются накладки.

– Главное, чтобы они не стали закономерностью. Твое предложение напоминает исилийский каравай. С виду гладкий и круглый, а разрежешь, так сплошной изюм.

– Но это же отлично! – бывший вор, а теперь владелец трактира «Нож и Топор» и по совместительству посредник в разнообразных противозаконных делишках, не терял надежды затащить меня в очередную авантюру. Особых восторгов от его потуг я не испытывал, поэтому честно ответил:

– Ненавижу изюм.

Если уж играть в «буку», так до конца.

Гозмо тут же поджал губы:

– Цену себе набиваешь?

Я безразлично пожал плечами. Пустой разговор. Трактирщик знает, сколько стоят мои услуги.

– Так я могу и других попросить. Думаешь, кроме тебя в Авендуме¹ нет воров?

– Полно, – поддержал я его. – Но большая их часть тупа, как доралиссы,² а меньшая не умеет спереть даже кошелек.

– Я о мастерах толкую.

– М-да? Давай-ка, подумаем, кого ты можешь пригласить? Шныг и Соловей с той недели подались под крыло гильдии. Нейк надолго сел в Серые камни, если тюряга не перемелет парня, через десять лет можешь на него рассчитывать. Кто у нас еще остался из свободных? Арлис? Она тебя не жалует, вряд ли вы с ней договоритесь. Шлок поцапался с Ургезом. На мой взгляд, задирать главу гильдии убийц – очень недальновидный поступок. Теперь бедняга плавает где-то под Пирсами.³ Так что, кроме меня, у тебя никого нет.

---

¹ Авендум – столица королевства Валиостр. Крупнейший и самый богатый город.

² Доралиссы – раса козлолюдей, обитающих на юге Сиалы, в степях Унгавы. Отличается недалеким умом и склочностью характера.

³ Пирсы – район Авендума, расположенный на берегу моря.

– Я могу обратиться в гильдию, – Гозмо и сам в это не верил.

– Если тебя устраивает работа с Маркуном, и ты готов выложить в его жирную лапу сорок процентов от выручки, то вперед и с песней, – я отхлебнул дармового пива.

Трактирщик затравленно постучал пальцами по столешнице. Связываться с гильдией и ее алчным главой ему не хотелось. Это было ясно с самого начала, иначе он бы не обратился за помощью к такому свободному художнику, как я.

– Гангрена ты, Гаррет. Это грабеж.

– Нет, старина. Это деловые отношения.

– Я предлагаю тебе пятнадцать золотых!

Ага. Пятнадцать я возьму, два отдам ему за наводку. Плюс сколько этот прохиндей получит от заказчика? Порой у меня возникает мысль стать посредником. Риск для шкуры минимальный, а денежки в карман капают неплохие.

Я ничего не сказал бывшему коллеге, лишь послал ему из своих бездонных запасов самый презрительный взгляд.

– Сколько? – сдался трактирщик.

– Тридцать.

– Вор!

– Точно, – я отслютовал ему кружкой с темным пивом.

– Ладно, по рукам.

Нисколько не сомневался, что мы придем со старым жуком к взаимовыгодному соглашению.

– За такое плевое дело ты требуешь такую кучу деньжищ. Что за времена пошли?! – ворчал Гозмо.

– Тяжелые, – тут же поддержал я. – Сам видишь. Цены растут, приходится крутиться.

Он посмотрел на меня, явно думая, что я издеваюсь. Вздыхнул:

– По Заказу⁴ все ясно?

– Пришел. Забрал товар. Ушел. Принес тебе. Получил деньги.

– Что-то в этом роде. Но сделать это надо именно сегодня. Утром заказчик будет ждать здесь. Допивай свое пиво и проваливай. Я скоро открываю заведение.

– Не так быстро, дружище. Я не услышал самого главного – что за товар просится в мою сумку.

– Наниматель не сказал.

– Вот как? – настала моя очередь нахмуриться. Сразу же вернулись нехорошие предчувствия. – С чего такие тайны?

– Не наше дело. Нам платят, мы работаем.

– Ну, положим, основная работа на мне. – Мне не понравилось отношение Гозмо к делу. – И опасность угодить за решетку также всецело моя. Как и нарваться на городскую стражу. Капитан Фраго Лантэн в последнее время точит на меня зуб и просто мечтает посадить в камеру к Нейку. Так что с твоей стороны крайне непрозорливо не собрать информацию. Мне товар нести. А если он размером с колокол Собора и весит, как сотня нагруженных золотом карликов?!

– Не думаю, что все так плохо, – поспешил уверить посредник. – Будь что-то важное, заказчик бы сказал.

– Ага, если только он не тупица, – оптимизм в последние дни из меня так и прет. – Он хоть человек?

---

⁴ Заказ – договор, который заключают между собой мастер-вор и клиент. Вор обязуется доставить нужную вещь, а в случае неудачи вернуть задаток и процент от общей суммы сделки. Клиент обязуется расплатиться после получения интересующего его предмета. Расторгнуть Заказ можно только с обоюдного согласия обеих сторон. Вора, нарушившего сделку, ждет полоса серьезных неприятностей, поскольку ответственность за ее совершение берет на себя сам Сагот.

– Не доралиссец, если ты это имеешь в виду.

– Слава Саготу.⁵ В тот день, когда меня наймут человеко-козлы, я пойду и утоплюсь. Или удавлюсь. Или залезу в Храд Спайн.⁶

– Плакать о тебе никто не станет, – «обнадежил» меня Гозмо. – Итак. Фургон не охраняется, замок людской работы, товар внутри.

– Угу. Буду надеяться, что телега не забита по крышу всяким хламом, и я сразу пойму, что следует брать.

Мне все же удалось его добить. Гозмо не выдержал и воскликнул:

– Какой же ты зануда!

– Стараюсь, дружище. Стараюсь.

Сочтя, что на сегодняшний вечер с него достаточно, я поставил опустевшую кружку на стол и, не прощаясь, вышел из трактира.

На самом деле старикан был в чем-то прав. Заказ не казался сложным. Не сравнить с прогулкой в дом барона Лантэна и похищением денег, которые капитан городской стражи назначил за голову вашего покорного слуги.

Но сейчас меня смущало отсутствие четких сведений о товаре, простота задания и легкость, с которой трактирщик повысил мой гонорар. Это значило только одно – овчинка стоит выделки, и я продешевил.

Почему я согласился? Ну-у-у, «добрые» люди говорят, что я жаден, как подгорное племя, и любопытен, как заграбский гоблин. К тому же, я получил возможность в очередной раз пнуть Маркуна. Вот уж кого не выношу – так эту жирную сволочь, которая непонятно каким образом умудрилась встать во главе воровской гильдии. Ради того, чтобы лишить недруга золотишка, я готов работать даже бесплатно. Но, на мое счастье, Гозмо об этом не знает.

Конечно, следовало бы поступить по-умному и рассказать о Заказе моему старому учителю – Фору, но банальная лень и нехватка времени убили эту идею на корню. Так что, поныв о несправедливой жизни собственному отражению, я начал готовиться к предпрятию.

Стандартный набор любого уважающего себя вора, плюс уместающийся в одной руке арбалет работы карликов, тяжелый нож на бедре, холщовая сумка за спиной и целая куча самомнения. Это все, что требуется, дабы выйти победителем из любой переделки. Ну, или почти все. О таких вещах, как многолетняя практика, мастерство, ловкость, хитрость, осторожность и ум я вежливо умолчу. Ибо скромнен, как девица на выданье.

Я фыркнул. Что-то меня несет. Никак, нервничаю? Все же надо было загнать жадность куда подальше и смотаться на улицу Искр. Именно в этой части Авендума расположились магические лавочки, где продается разного рода волшебный товар. В том числе и тот, что при небольшой капле мозгов и умении вполне может оказаться полезным человеку моей профессии. Но отдавать кучу золотых монет жадному карлику Хонхелю... Убыток выйдет больше прибыли. Так что на этот раз придется действовать без магической поддержки.

Во втором часу ночи я уже был недалеко от южной стены Внутреннего города. Большая площадь примыкала к району богатеев и служила Авендуму рынком и местом для казни всякого отребья. Также дважды в год, осенью и весной, на площади Вишен проводились выступления бродячих цирковых и театральных трупп. Сейчас середина апреля, а это значит, что через два дня здесь начнется форменное светопреставление. Клоуны, жонглеры, метатели ножей, заклинатели духов, маги-недоучки, показывающие фокусы (на мой взгляд, от этих деятелей

---

⁵ Сагот – один из двенадцати богов мира Сиалы. Покровитель воров, мошенников, плутов и шпионов.

⁶ Храд Спайн (называемый также Костяные дворцы) – гигантские подземные катакомбы и дворцы, где огры, орки, эльфы, а затем и люди хоронили своих павших воинов.

надо держаться как можно дальше), дрессировщики экзотических зверей, кукольники и прочая цветастая публика на неделю погрузят город в гульбу и веселье.

Цирковая труппа, прибывшая в Валиостр⁷ первой, по-хозяйски расположилась на пока еще свободном пространстве, разом заграбастав себе половину отпущенной территории. Два десятка фургонов, один огромный шатер и множество маленьких, стояло для лошадей, клетки со зверями. Маленький город в сердце огромной столицы.

И именно там скрывается моя цель.

Вот это и было самым удивительным и нелепым в задании. Я не понимал, что такого ценного может оказаться у вечно нищих и едва сводящих концы с концами бродячих артистов. Таких и грабить как-то неловко. Все равно, что снимать кошелек с пояса слепого – никакого удовольствия от работы.

Цель скрывалась где-то среди разномастного и по большей части уже отправившегося спать королевства актеров, в синем фургоне с красными колесами...

Проскользнуть внутрь балаганного двора оказалось несложно. Конечно, городские власти выставили перед входом двух вшивых стражников, но те, как это всегда бывало, несли службу из рук вон плохо. Один дрых, натаскав себе соломы, второй самозабвенно ковырялся в носу. Если бы мимо него протопала целая тысяча распевających боевые гимны пьяных гномов, этот охранник и то остался бы безучастным. А уж о моем присутствии парень и вовсе не догадался. Я мог станцевать за его спиной джангу, он бы не обернулся. Стражник явно надеялся обнаружить у себя в носу сокровища Короны. Так что я попал внутрь городка бродячих артистов без лишних усилий.

На освещенные факелами пространства старался не лезть, при малейшем подозрительном шорохе прятался, смотрел в оба. Но, несмотря на это, едва не столкнулся с бесшумно идущим человеком, который нес на своих плечах упитанного питона. Пришлось проворно нырнуть под одну из телег. Больше без приключений я обошел почти всю территорию, но фургона с красными колесами так и не увидел. Неужели Гозмо ошибся? Оставалась не проверенной северная часть лагеря, заставленная клетками со всяким зверьем.

Шерстисто-клыкастые обитатели оказались куда более чуткими, чем люди. Кое-кто из них провожал меня взглядом и вновь засыпал, кто-то начинал метаться по клетке. Огромный, заросший рыжей шерстью мамонт, не получив лакомства, осуждающе хрюкнул мне в спину, а проклятая краснозадая мартышка разразилась гневными воплями в мой адрес и кинула банановой кожурой. Пришлось поспешить прочь, пока не нагрянули сторожа: проверить, чего так разоралась эта образина.

Нужный фургон я увидел внезапно и тут же отскочил назад, за клетку с султанатским тигром. Перевел дух. Выругался про себя. Ай, да Гозмо! Ай, да молодец! Ну, ничего. Я тебе еще припомню, как ты «не подкидывал мне гнилые Заказы». Не зря было подозрение, что дело нечисто, и все окажется куда сложнее, чем было обещано. Местность вокруг фургона ярко освещалась множеством горящих факелов, а недалеко от меня стоял желтоглазый, пепельно-волосый, смуглый парень, в котором я без труда узнал темного эльфа из лесов Заграбы.⁸

В первый момент я даже не поверил увиденному. Эта раса редко выбирается из своих угодий, а уж встретить их в балагане... уму непостижимо. На всякий случай я еще раз выглянул из своего укрытия, чтобы убедиться, что мои глаза не врут. Не ввали, забери меня Х'сан'кор!⁹ Это был именно эльф – торчащие из-под нижней губы клыки и кривой меч с'каш за спиной ни с чем другим не спутаешь.

---

⁷ Валиостр – крупнейшее королевство людей на севере Сиалы.

⁸ Леса Заграбы – занимают огромную территорию на юге Северных земель Сиалы. Скрывают в себе множество таинственных существ и загадок. Из широко известных рас в них обитают темные эльфы, орки, гоблины и дриады.

⁹ Х'сан'кор (или Ужасная флейта) – чудовище-людоед, обитающее в лесах Заграбы.

Сторож меня, по счастью, не замечал. Я выругался вторично, когда из-за фургона появился второй темный. У этого был лук, что заставило меня застонать от разочарования. Соревноваться в скорости с эльфийскими стрелами – приятного мало. И это называется «фургон не охраняется»?!

Ясно. Через дверь – не пройти. Это точно. Нет, конечно, можно набраться наглости и попросить ребят впустить меня на минуточку, но у темных очень плохо с чувством юмора. Так что не стоит и пытаться.

Убраться подбру-поздорову? Ритуальную фразу о приеме Заказа я не произносил и, если что, никакие последствия мне не грозят. Но... провалить дело, даже не попытавшись его выполнить?! Во мне заговорило упрямство и воровская гордость. Забери меня тьма, что, мне двух желтоглазых гордецов вокруг пальца не обвести?! К тому же теперь я просто обязан узнать, что охраняют темные эльфы. Это должно быть воистину большой ценностью.

Итак, дверь отменяется. Окна, по причине их отсутствия, тоже. Что остается? Правильно. Люк на крыше. У фургонов, изготовленных в Низине,¹⁰ обязательно есть такая штука. Вся проблема в том, как к ней подобраться?

Я решил симпровизировать и взять в руки первое, что попадется. Попался лежавший между прутьями хвост султанатского¹¹ тигра. Слышали бы вы, как взвыла не ждавшая подвоха кошка, когда ее, что есть силы, дернули за хвостище! Зверюга яростно атаковала, обрушившись на решетку всем телом, но ваш покорный слуга уже был таков.обежал клетки и очутился у задней стороны фургона.

Мой расчет оказался верным – эльфов заинтересовал разразившийся в зверинце скандал. Тигр орал благим матом и требовал крови, обезьяны визжали, мамонт трубил. Отличная ночь!

Пока мои новые друзья смотрели в противоположную сторону, я, стараясь не шуметь, забрался на крышу и распластался по ней, словно карлик по куче золота. Эльф с луком держал на тетиве стрелу, прикрывая товарища, отправившегося проверить, что произошло. Теперь главное – чтобы темным не пришлось в голову посмотреть вверх.

С луком пришлось повозиться. Никаких замочных скважин, следовательно, отмычки мне в этом деле не помощницы, и я воспользовался ножом. Через минуту упорного труда дело было сделано. Прислушался. Кажется, внутри никого не было. Выждав еще несколько минут, прыгнул вниз. Держа наготове арбалет, осмотрелся.

Плотный тяжелый занавес разделял помещение на две части. В первой не было никакого намека на товар. Поэтому я, не задерживаясь, отдернул черную занавеску... да так и остался стоять с открытым ртом.

На полу, подтянув колени к подбородку и обхватив их ужасно тонкими руками, сидела эльфийка. У нее были короткие, совершенно не по-эльфийски постриженные волосы, худое изможденное лицо, очень смуглая кожа и большие желтые глаза. Ее одежда мало походила на ту, что носят эльфы – белая льняная рубаха без рукавов да изрядно испачканные кровью штаны. Руки от плеч до запястий увивал сложный узор татуировки в виде купающихся в пламени серебристых змей. Рисунок был мастерским, казалось, еще немного, и змеи оживут.

Клыки у девчонки, а выглядела она не старше семнадцати лет, оказались совсем маленькими. Ее губы были разбиты, под глазом – кровоподтек, а на каждом из запястий висело по тонкой веревочке с многочисленными узелками. Эльфийка сидела в центре нарисованной на полу фигуры. Мне стало нехорошо, первая мысль, которая пришла в голову – о магии. Еще не хватало попасть под удар шаманства темных.

Ну, Гозмо! Ну, если выберусь целым из передраги, ты у меня попрыгаешь!

---

¹⁰ Низина – королевство возле лесов светлых эльфов.

¹¹ Султанат – государство, расположенное далеко за степями Унгава.

Я смотрел на эльфийку, она – на меня. Вот ведь ситуация! Никогда не занимался похищениями. Незнакомка не шевелилась и не пыталась закричать, чтобы привлечь внимание стоящей на улице стражи. Но как только мне в голову пришли более-менее подходящие ситуации слова, за спиной сухо шелкнул дверной замок.

Я, не раздумывая, нырнул за отдернутую к стене занавеску – единственное место в фургоне, где можно спрятаться. Или хотя бы попытаться это сделать. По крайней мере, со стороны входа меня не должны увидеть. Арбалет я направил на девчонку, пусть знает, если пикнет, ей будет ничуть не лучше, чем мне. Она никак не показала, что поняла мой намек вести себя тихо. Даже не шевельнулась. Все ее внимание занимала дверь.

Та как раз распахнулась, и раздались шаги. Мое сердце провалилось вниз и запуталось в кишках. Заметили или нет? Я напрягся, в любую секунду ожидая удара с'кашем. Но Сагот миловал. На этот раз смерть предпочла меня не заметить. Эльфы прошли мимо и остановились рядом с «товаром». Теперь я прекрасно видел их спины и с удивлением понял, что одеждой и прическами эти ребята отличаются от тех, что стояли на часах у фургона. Другой Дом? Возможно.

Незнакомцы, как видно, не собирались вести с пленницей долгих бесед. Один из них обнажил с'каш. Не надо быть умником, чтобы понять, что случится дальше. Девчонка, надо сказать, даже не моргнула.

Фор еще в детстве вдолбил в мою тупую голову одно очень простое, но крайне важное для долгой жизни правило – не вступать в чужие разборки. И этому замечательному совету я следовал до сегодняшнего дня. Теперь же мне пришлось вмешаться в столь интимную сцену, иначе пара желтоглазых гаденышей испортила бы товар. Я не мог позволить им лишить меня тридцати золотых.

Ладно! Ладно! Вру. Просто терпеть не могу, когда на моих глазах убивают беспомощных женщин, пускай они хоть трижды эльфийки. Могу я себе позволить раз в год побыть сентиментальным?!

Арбалет издал тихое «думм», эльф, получивший болт в шею, позабыв о своей жертве, рухнул на пол. Прежде чем его товарищ сообразил, что к чему, я уже прижимал к его горлу нож.

– Мы ведь не хотим неприятностей, правда, друг? – пропел я ему на ухо.

– Кто ты? – едва раскрывая рот, прошептал он. Клинок опасно щекотал его кожу.

– К чему имена? Я тот, кто стоит у тебя за спиной.

– Ты не убьешь эльфа, человек.

– Скажи это своему другу, клыкастый. В отличие от него, у тебя еще есть шанс увидеть Темный лес.

Он счел за лучшее промолчать.

– Вставай, – обратился я к девчонке, напряженно следящей за нами. – Мы уходим.

– Она останется! – эльф разом забыл о том, что его жизнь висит на волоске.

Мне его несговорчивость не понравилась. Право слово, стараешься быть вежливым, а всякие темные гады так и норовят подложить тебе свинью. Я стукнул его в голень, заставив рухнуть на колени, и ударил тяжелой рукоятью по затылку. Пусть полежит и подумает, как нехорошо упрямитесь.

Оценив дело рук своих, я подошел к эльфийке, сидящей все так же неподвижно, и, подчиняясь какому-то наитию, перерезал веревочные браслеты на ее запястьях. Узор на полу ярко вспыхнул и, спустя мгновение, исчез. Она облегченно вздохнула, провела языком по разбитым губам и неожиданно улыбнулась:

– Я уже начала думать, что ты не догадаешься это сделать.

«Сделать что?» – хотел спросить я, но увидел, как одна из татуировок-змей на ее руках шевельнулась и повернула голову в мою сторону. Я разом прикусил язык, соображая, почуди-

лось или нет? Вроде, показалось. Хотя раньше змеюка не смотрела на меня. Да еще и с явным любопытством.

Пока я, как дурак, хлопал глазами, эльфийка проскользнула мимо и воспользовалась кривым кинжалом оглушенного темного – воткнула клинок в грудь своего врага, а затем плюнула мертвецу в лицо.

– Работу надо доделывать до конца, Тот-кто-стоит-за-спиной. Он бы тебя не пожалел. Надо же! Убили Эста и Элга. Я не очень-то люблю отцовских воинов, но они все же из моего Дома. Жаль, что так вышло.

– Откуда ты знаешь, что охранники мертвы?

– Не будь глупцом, человек! Эти никогда не прошли бы сюда, если бы Эст и Элг были живы.

Я все же решил проверить ее слова. Стараясь не поворачиваться к новой знакомой спиной, подошел к двери, приоткрыл, выглянул наружу. Сразу же увидел двух мертвецов и пяток мрачных эльфов-лучников. Я юркнул в фургон в тот момент, когда ребята вскинули луки, собираясь превратить меня в ежика.

– Там еще пятеро! – крикнул я, соображая, чем бы запереть дверь.

Вот ведь вляпался! Теперь отсюда не выбраться.

– Не сомневалась, что двумя убийцами дело не ограничится, – голос девчонки оставался спокойным, словно я сообщил ей не о пришедших по ее душу убийцах, а о поданном завтраке. – Уйди с дороги... как, кстати, тебя зовут на самом деле?

– Спаситель, – буркнул я, не желая называть свое имя.

В желтых глазах вспыхнула и погасла искорка веселья.

– Неплохо, человек. Совсем неплохо. Меня можешь называть Змейка.

Эльфы не спешили к нам врываться. Меня подобное обстоятельство несколько удивило. Я ничего не понимал, постоянно бросал взгляды на дверь и держал в руке арбалет. Между тем Змейка вернулась к телам и склонилась над ними. Она совсем не походила на эльфиек, виденных мною ранее – высоких и совершенных. Эта оказалась невысокой и очень хрупкой. Если бы не плавность и змеиная стремительность движений, то вполне могла сойти за мальчишку.

– Сказала же тебе, отойди в сторону, – не отрывая взгляда от мертвецов, произнесла она.

Пришлось послушно прижаться к стене. С каждой секундой происходящее нравилось мне все меньше. Только в одном я убедился точно – живые татуировки не плод моего воображения. Сейчас змеи ползали по ее рукам, извивались, шипели, купались в пламени, истекали ядом и сверкали желтыми, точь-в-точь как у хозяйки, глазами. Я разом вспотел. Ненавижу магию. Тем более темную. Чего уж говорить о шаманстве?! Умел бы, пробил в стенке дыру и свалил.

От случившегося через несколько мгновений, волосы у меня на голове встали дыбом. Признаюсь честно, я едва не заорал со страху, ибо напротив Змейки, прямо из теней, отбрасываемых висящим под потолком фонарем, соткались два непроглядно-темных силуэта. Призраки или демоны? Они были на три головы выше девчонки, и в их руках оказалось нечто, похожее на клинки. Прежде чем я успел помянуть бога воров, ребята рванули к выходу, снеся по дороге дверь, словно той и не было.

Я поднял вопросительный взгляд на эльфийку. Та оставалась невозмутимой и, в отличие от змей на руках, даже не шелохнулась. Она прислушивалась к доносящимся с улицы звукам, но лично я, как ни пытался, ничего не услышал.

– Идем, – спустя несколько секунд, сказала она.

Я с недоверием уставился на нее и получил в ответ кривую ухмылку.

– Шевели ногами, человек, – Змейка, не сомневаясь, что я следую за ней, направилась из фургона.

Очень хотелось сказать какую-нибудь гадость, но с такими странными девочками всегда следует быть вежливым. Это полезно для здоровья.

Тигр в клетке чуял кровь и встревожено рычал. Я, в отличие от него, рычать не стал, просто выругался. К двум покойникам прибавилось еще пятеро. Ребят порубили в капусту. Судя по всему, они даже не успели понять, что произошло.

– Вдохни этот воздух, Спаситель. Чуешь? Пахнет свободой, – кажется, темная была абсолютно счастлива.

– Навозом воняет.

Она задорно рассмеялась и посмотрела на меня с уважением:

– А ты далеко не трус. Другой из твоего племени уже давно мчался бы отсюда без оглядки. Я пожал плечами.

– Ну, мне пора, – она тряхнула головой. – Не знаю, кто ты и зачем пришел, но твоя помощь была не лишней. Удачи.

– Не так быстро. У нас есть еще одно дело.

– Неужели? – она вскинула бровь. – Безмерно тебе благодарна, но не имею привычки вести дела с людьми.

– А я с эльфийками, – раздраженно бросил я. – Меня попросили привести тебя в одно место.

– Кто? – ее янтарные глаза разом стали ледяными.

– Узнаешь, когда придем.

– А если я не захочу?

– Тогда мне придется тебя заставить.

– Уверен? – в ее голосе вновь послышалась насмешка. Она с интересом взглянула на меня. Змей на правой руке зашипел и показал ядовитые зубы. Я предпочел остаться на месте и попробовать по-другому:

– Из-за тебя у меня могут быть неприятности.

– Очень жаль. Но это твои проблемы. Хотя... если со мной уж очень захотят встретиться, найди меня.

– И как это сделать? – поинтересовался я. – Город большой.

Она поразмыслила:

– Пускай приходят к Конюшне Старка, рядом с Запретной территорией. Завтра. В полночь. Если не испугаются. Так и передай.

– Я что, посыльный? – возмутился я. Честный вор на побегушках у какой-то девчонки – это даже не смешно.

– Тебе нужна оплата?

– Не помешает.

В одно мгновение она оказалась рядом, привстала на цыпочки, положила руки мне на шею и поцеловала прямо в губы. Поцелуй длился, длился и длился. Ее очаровательные татуировки блаженно шипели. Наконец, она отпустила меня и усмехнулась:

– Это аванс. Бывай.

Прежде чем я вновь обрел дар речи, Змейки и след простыл.

Сегодняшним вечером «Нож и Топор» был забит под завязку. Я решительно направился к стойке, не удостоив взглядом громил-вышибал на входе. Гозмо, увидев мое лицо, едва не выронил кружку.

– Гаррет! Как я рад тебя видеть! – улыбка у него вышла отнюдь не радостной.

– Не могу ответить тебе взаимностью. Нужно поговорить.

Посредник обречено вздохнул и кивнул, приглашая меня в святая святых. Мы прошли узким коридором до одной из комнат.

– Где товар? Я жду тебя с самого утра!

– Товар?! – раненым медведем взревел я, наконец-то давая волю своим чувствам. – Товар ушел!

– Как ушел? – не понял он.

– Ножками! Ты, старая тухлая ящерица, Гозмо! Во что ты меня втравил?! Похищение эльфиек! Как тебе такое в голову-то пришло?! Я чуть Саготу душу не отдал!

Он понял, что я не собираюсь его бить, и немного успокоился. От Орущего Гаррета, как он уже успел прикинуть, жизнь портится не так сильно, как от Гаррета-Берущегося-За-Арбалет.

– Рассказывай, – вздохнул прохиндей и достал бутылку «Янтарной слезы». С его стороны – великая щедрость.

И я рассказал. Не упуская никаких подробностей.

– У меня теперь будет куча неприятностей, – вздохнул Гозмо, когда я завершил свое повествование. – Вот ведь влип в дерьмо.

– Сам виноват, – с явным злорадством заметил я.

– Я ничего не знал, – попытался отбрыкаться он. – Платили хорошо и...

– Кстати, об оплате...

– Даже не думай, – отрезал прощелыга. – Работа не сделана. Заказчик не будет раскошеливаться.

– Он здесь?

Гозмо помедлил, затем неохотно кивнул.

– Отлично. Веди к нему, – у меня созрел план.

– Ты же предпочитаешь не светиться перед работодателем.

– Сегодня сделаю исключение. Веди.

– Это не очень хорошая идея, – заюлил он.

– Веди! – отрезал я, отмахиваясь от его объяснений.

– Ладно, – сдался трактирщик. – Я хотел как лучше.

О своем поступке я пожалел спустя секунду после того, как увидел нанимателя. Но сматываться было поздно. Дверь захлопнулась, и мы с Гозмо остались лицом к лицу с десятком темных эльфов. В комнату их набилось как гоблинов в кондитерскую.

– Ай, браво, приятель! – процедил я, понимая всю степень опасности своего положения. – Вот кого ты имел в виду, говоря, что это, уж точно не доралиссцы. Но и не люди. И где были мои мозги?!

– Ты не пожелал слушать, – угрюмо ответил он.

Старый дуралей! Мог бы и проще высказаться. Я отчаянно соображал, как выпутаться из неприятностей, но ничего умного в голову не шло. Так всегда бывает, когда в тебя целится пара эльфийских лучников. Об арбалете и ноже я и думать забыл. Вскроют горло, и все дела. У племени Вторых с этим быстро.

Из всех темных один отличался богатой одеждой. Он был уже немолод, высок, и походил на высохшее, но еще крепко держащееся за землю дерево. Тип сидел за столом и с подзрительным интересом изучал мою физиономию. Судя по знаку, вышитому золотом на его куртке, этот табун клыкастых принадлежал к Дому Черной Воды. Те еще жабы. Одна из худших эльфийских семеек. Если ребята не грызутся друг с другом за корону, то начинают кромсать на куски тех, кто подвернется под их смуглые лапы. Сегодня попался я.

– Кто этот человек? – обратился к Гозмо сидевший за столом. – Разве я не говорил, что никто не должен знать о моем присутствии в городе?

– Простите, треш¹² Элесса, но обстоятельства... – подобострастно замямлил старый жулик. – Парень выполнял ваше поручение. Я счел, что вы должны его выслушать.

– Где она? – эльф не стал ходить вокруг да около.

– Думаю, что сбежала, – я с радостью испортил настроение этой Большой Шишке.

Надо сказать, что на его лице не дрогнул ни один мускул.

– Сбежала? – переспросил он, и я начал предполагать, что желтоглазый страдает избирательной глухотой.

– Ну, мне так показалось, – я очаровательно улыбнулся. – Поэтому я счел своим долгом лично прийти сюда и принести вам свои извинения.

– Я польщен, – сухо ответил он. – Рассказывай, что произошло.

– Вы знаете, быть может, в другой раз? – эльфы с луками начали меня раздражать. – Сегодня, право, не самый приятный день, чтобы...

Один из темных толкнул меня в спину, и пришлось заткнуться.

– Я очень расстроен, Гозмо, – сказал этот Элесса, и трактирщик от испуга икнул. Он тоже понял, что мы влипли. Дурак! Тогда зачем меня привел и сам приперся? Совсем со страху соображать разучился?! Попробовать сигануть в окно? Не выйдет. Стрелы окажутся быстрее. Каковы шансы остаться в живых, если я им все расскажу? Говорят, эльфы не любят оставлять свидетелей своих делишек. Что же, придется импровизировать. Сагот, помощи!

– Ну, раз вы настаиваете, – я подошел к столу и сел без приглашения. – Но это будет вам стоить сотню золотых.

Краем глаза я увидел, что Гозмо собирается грохнуться в обморок. Странно. Это на него не похоже.

Услышав мои слова, стоявший у окна темный дернулся, явно собираясь снять с меня шкуру за такое неуважение, но Элесса сделал едва заметный знак рукой, и тот остался на месте, зло сверкая на меня глазами.

– Ты, и вправду, думаешь, что я тебе заплачу, мальчик? – треш склонил голову набок, повторно изучая меня, словно я был диковинной зверушкой. Или умственно отсталым.

– Не только заплатите, но и выпустите живым, – в критические минуты наглости мне было не занимать.

– С удовольствием услышу твои доводы, – он улыбнулся уголками губ. – Пока ты всего лишь тот, кто не сделал порученную работу. Ты, должно быть, знаешь, что мы делаем с такими людьми?

Прекрасно знаю. А поэтому всеми силами постараюсь избежать.

– Вы платите мне сотню золотыми монетами, а я рассказываю вам, что произошло, и как вы вновь сможете обрести свой товар.

Он откинулся на спинку стула, внимательно изучил меня и кивнул:

– Хорошо. Рассказывай.

– Не так быстро. Пятьдесят монет вперед.

– Эрг, – негромко сказал Элесса. – Расплатись с этим... господином.

Вскоре передо мной высились пять желтых столбиков, в каждом из которых было по десять монет. Хорош куш, да не укусишь.

– Еще столько же получишь после.

– Не сомневаюсь в вашей честности, треш Элесса.

И я рассказал о том, что произошло. В комнате воцарилось долгое молчание.

– Хорошо. Я верю тебе, – негромко сказал заказчик. – И как же мне найти девочку?

– Она разрешила мне сказать это, если вы правильно назовете ее имя, – соврал я.

---

¹² Треш – вежливое обращение к эльфу знатного рода. Иногда его используют и другие расы во время разговора с высокородными эльфами.

– Мила, – после некоторого раздумья ответил он.

Врет. Готов отдать руку на отсечение, что врёт.

– Боюсь, что вы немного... не договариваете, почтенный.

Он усмехнулся. Какой резон ему что-то скрывать от покойника?

– Так ее зовут в нашей семье. Милаисса, дочь владыки Дома Черной Воды, если тебе будет угодно.

Я едва со стула не грохнулся. Ничего себе! А моя Змейка оказалась не так проста, как я думал! Высшая эльфийская знать! Слава Саготу, на моем лице ничего не отразилось, иначе Элесса понял бы, что я лгу.

– Замечательно, – сказал я, перекладывая золото со стола в свою сумку. – Тогда, думаю, мы совершим с вами маленькую прогулку по городу. Не все же вам сидеть в четырех стенах.

– Нельзя ли подробнее? – с подозрением нахмурился он, но, на мою удачу, вытерпел это хамство и не отдал своим воинам приказа стрелять.

– Все очень просто. Она назначила встречу. Я пойду с вами. Во-первых, проведу коротким путем. Во-вторых, у вас будет уверенность, что я не лгу, а в-третьих, Зме... Милаисса не появится, если не увидит меня.

На этот раз Элесса задумался надолго. Очень надеюсь, что эльф не видит, как я вспотел. Если останусь цел, оторву Гозмо голову. Он это заслужил.

– Убедил. Мы пойдем с тобой. Не думай сбежать.

– Как можно? – искренне возмутился я. – Ведь вы должны мне еще пятьдесят монет.

Хотя, признаюсь честно, именно о бегстве я и думал.

К моему глубокому сожалению, сделать ноги не удалось. Желтоглазые зажали меня в клещи, я шагу без их ведома ступить не мог. К тому же, отобрали оружие. Конечно, оставалась бритва в сапоге, но попробуй ее достать.

Еще ребята прихватили с собой Гозмо, чему трактирщик был совершенно не рад. Он, как и я, понимал, что, возможно, это последняя ночь в его жизни.

– О чем ты думал? – прошипел я ему, улучив момент.

Сагот, ну не ожидал я от тертого жизнью старого вора столь недальновидного поступка! Мир, наверное, сошел с ума, если этот дурак решил связаться с темными.

– Я не знал, что все так серьезно, – проблеял он.

– Мама с папой не учили не делать с эльфами никаких делишек?

– У тебя есть какой-нибудь план?

– Да. Кричи караул.

У меня, и вправду, не было никаких идей. Поначалу я планировал сбежать по дороге, но как только понял, что это невозможно, просто плыл по течению, надеясь на чудо. Хочется верить, что, встретив Змейку, Элесса станет немного добрее и забудет о нас. Или случится еще какое-нибудь диво. Например, на головы эльфов упадут мамонты, и я с чистой совестью отправлюсь спать.

Вообще весь этот Заказ очень странен. Я, в который раз, проклял свою жадность и любопытство. И чего я влез во все это дерьмо?

Наконец, мы добрались до конюшни Старка. Это был не самый лучший район Авендума. Точнее сказать – хуже не придумаешь. Сюда и днем-то опасно соваться, а уж ночью – только с королевской гвардией. Личности, живущие в данной части Портового города, едят посетителей «Ножа и Топора» на завтрак. Даже представители гильдии убийц обходят это место за квартал. Кому в жизни нужны неприятности? А уж если сказать, что совсем рядышком возвышается стена, огораживающая жилой город от Запретной территории, которая несколько веков назад превратилась в проклятое место... Дабы зло не расплзлось дальше, маги Ордена соору-

дили волшебную стену. Что за ней творится, никто не знал, так как желающие отправиться туда на прогулку никогда не возвращались. Лично я бы не полез через стену и за все золото мира.

– Пришли, – сказал я.

Гозмо, к чести его, не дрожал. Держался поближе ко мне и внимательно следил за нашими «друзьями». Он, как и я, не оставлял надежды выбраться из ямы, в которую мы угодили.

– Ну, и где она? – Элесса смотрел с подозрением.

– Бо-оо-ммм-мм! – вместо меня ему ответил магический колокол Собора. Полночь.

– Она ждет, когда вы расплатитесь со мной, – я уже начал подумывать, что будет, если Змейка не придет. Эльфы наматывают мои кишки вокруг моей же шеи.

– Эрг, отдай ему деньги.

Знаменитая сумка Гаррета сразу же потяжелела, и пришлось поставить ее на землю.

И тут появилась Милаисса. Она шла, не скрываясь, медленно, держа на виду руки. Эльфы заметили ее в тот же момент, что и я, но поступили не так, как я предполагал.

– Дулле! **[Стреляй!]** – гаркнул Элесса на своем языке, и желтоглазые вскинули луки.

Я заорал, предупреждая эльфийку об опасности, но она и не подумала бежать.

«Танг!» – раздалась щелчка тетив, стрелы вжикнули, устремляясь к невысокой девчонке и... вспыхнув лиловым пламенем, исчезли. Желтоглазые не унимались, пускали стрелу за стрелой, напрочь забыв о нас с Гозмо. Трактирщик тут же этим воспользовался и под шумок скрылся. А я, как дурак, глазел на происходящее.

Змейка вскинула руки, аспиды на них засияли серебром, и из воздуха вновь появились два уже знакомых темных силуэта. Кажется, Элесса знал, что это за напасть, потому как обнажил с'каш, выкрикнул что-то гортанное, и клинок его меча полыхнул желтым пламенем. Спустя мгновение он уже бился с одним из призрачных воинов. Другая тварь рубила ближайших к себе лучников. Эльфы бросились в стороны, осыпая призрака стрелами, но безрезультатно.

Я уже хотел последовать примеру Гозмо, но заметил, что один из желтоглазых поспешно рисует на земле сложный узор. Судя по всему, точную копию того, что я видел в фургоне, где держали Милаиссу. В отличие от этих гадов, против девчонки я ничего не имел, даже если учесть тот факт, что она владеет темной магией. К тому же, они хоть и были из одного Дома, но оказались врагами. Я счел возможным для себя снова проявить благородство. Подскочил к стоящему на коленях клыкастому и, что есть сил, дал сапогом ему в рыло.

Это помогло. Рисунок сразу же перестал светиться. Эльф прилег, закрывая окровавленную морду руками, и у меня появилась возможность оглядеться. Элесса, к моему удивлению, по-прежнему сдерживал одного из призраков. Он оказался отменным фехтовальщиком. Кроме него в живых остались только тот, кому я врезал, и единственный лучник. Он еще раз попытался достать Милаиссу, но вновь безуспешно. Как видно, ей это порядком надоело, потому как заклинательница хлопнула в ладоши и запустила в стрелка появившимся в руках огненным черепом. Грохнуло так, что от неожиданности я упал на землю и зажал уши руками. Казалось, на Авендум рухнули небеса.

Лежал я до тех пор, пока рядом не раздался насмешливый голос:

– Хорош спаситель.

Я рискнул поднять голову. Надо мной стояла довольная эльфийка, и змеи на ее руках воодушевлено шипели. Возле старых конюшен остались лишь я и она, все остальные участники спектакля были мертвы. Элессе не повезло, кто-то или что-то оторвало ему голову.

– Между прочим, если бы вон тот покойник завершил свои художества, ты бы так не радовалась, – сказал я.

Она тут же стала серьезной:

– Давай уйдем. Через четверть часа сюда сбегутся все орденские маги.

– Хорошо, – согласился я, вставая с земли. – Надеюсь, теперь-то ты сможешь мне объяснить, что происходит.

- Если ты этого хочешь.
- Представь себе. Только об этом и мечтаю.

– Ну, спрашивай, – вздохнула она, когда мы уселись на берегу Холодного моря.

Было еще темно и довольно свежо, но нас с Милаиссой это нисколько не беспокоило. Змей-татуировки на ее руках свились кольцами и уснули. Ни от них, ни от эльфийки больше не веяло угрозой. Я стянул перчатки:

– Это дело плохо пахло с самого начала. Но я до сих пор не понял, зачем эльфы Черной Воды заказали мне украсть тебя у самих себя?

– Ну... Элесса – мой любимый дядюшка. Он давно метил на место отца. А я – единственная наследница. Убрал бы меня, и в скором времени стал главой Дома.

– М-м-м... а в фургон тебя кто засунул?

– Отец.

– Чтобы Элесса не достал?

Она звонко рассмеялась.

– Ох, прости. Но ты, и вправду, сказал смешную вещь. Нет. Все немного не так. Ты знаешь, что всех высокородных детей Домов учат магии наравне с нашими шаманами?

– Слышал.

– Ну, вот и меня учили. Любезный Элесса, гори он в бездне, подкинул мне одну запрещенную книгу. Ну, это я так думаю. Прямых доказательств нет, но когда я увидела его сегодня, то все встало на свои места. Так вот, о книге. Я, по глупости, ее прочитала. Дядюшка надеялся, что тут-то и освободится дорога к трону, но мне повезло. Демоны, которых я выпустила на свободу, не убили, а всего лишь вселились в меня. Да не дергайся ты так! Разве они опасны?

Одна из змей открыла глаза и, показав мне язык, вновь уснула.

– Поэтому папаша решил от тебя избавиться?

Я вполне понимал эльфа. Одержимых демонами убивают. А одержимых демонами, которые способны их призывать и управлять ими, мгновенно превращают в мокрое место.

– И вновь неверно. Избавляются у нашего народа несколько по-иному – удавка на шею, и все дела. Но я – единственный прямой наследник ветви. Да и отец всегда меня любил. Он посчитал, что я не безнадежна. Наши шаманы, в отличие от человеческих магов, ничего не смыслят в демонологии и, дабы избавить меня от этих серебристых, следовало обратиться к Ордену. Моего мнения, конечно же, никто не спросил.

– Только не говори, что ты была не согласна.

– Именно так. Я сроднилась с ними. Ты просто не представляешь, как это потрясает – стать независимой от всех и довольно могущественной. Я уже не могу без них. Это все равно, как если бы тебе отрубили руку. Понимаешь?

Я промолчал.

– Так что я была резко против. Даже, кажется, разгромила половину дворца. Но пятерка шаманов связала меня по рукам и ногам, в буквальном и переносном смысле. Те веревочные браслеты и рисунок сдерживали демонов крепче стальных цепей. Вот так я и отправилась в Авендум. Скрученная и беспомощная. А двое отцовских к'лиссангов, то есть кровных телохранителей, отправились вместе со мной.

– Под одной крышей с бродячей труппой?

– Нет. Это уже потом Элг придумал. Заплатил хозяину балагана, выкупил фургон. Так мы привлекали меньше внимания. До вашей столицы добрались без всяких препятствий. Кто же знал, что Элесса на дарении книг не успокоился и вместе со своими Верными решил закончить начатое? Он каким-то образом узнал, где я, и...

– Нанял меня, – закончил я за нее.

– Точно.

– И все же я не понимаю. Если он надеялся, что я украду тебя из-под носа отцовских телохранителей, то зачем напал на фургон?

– А кто сказал, что это были его воины? – хмыкнула она.

– Тогда чьи?

– Понятия не имею. У меня куча врагов. Претендентов на трон много. Кто-то решил воспользоваться благоприятной ситуацией. Вот и все.

– Ты везучая.

– Не жалуюсь. Но в ту ночь, когда ты свалился мне на голову, я уже совсем отчаялась. Даже сбежать попыталась, но Элг с Эстом живо научили меня не делать глупостей, – она дотронулась до ссадины на лице.

Эти темные и вправду сумасшедшие, если решились бить собственную принцессу.

– Ты появился вовремя. Иначе утром нагрянули бы демонологи и...

– ...нашли твое мертвое тело.

– Да. Но ты же сам сказал, что я удачливая.

Я хмыкнул.

– Все случилось так, как случилось. Убийцы отправились кормить червей, а мне удалось обрести свободу. Но когда ты сказал, что тебя послали за мной, я поняла, что в городе есть еще жаждущие моей крови.

– И для сокращения их числа ты решила использовать меня, – с некоторой обидой произнес я.

– Тебе грех жаловаться. Ты ведь в накладе не остался. Дядюшка, наверное, отвалил целую кучу золота?

– И едва не вскрыл мне глотку.

– О, не преувеличивай. Тебе ничего не грозило. Ты ловкий парень, должен был выкрутиться. К тому же, я не дала бы тебя в обиду.

– Ну, спасибо.

– Не за что. Теперь-то ты скажешь мне свое настоящее имя?

– Гаррет.

– Никогда не слышала такого.

Я посмотрел на море.

– Твой враг мертв... И что теперь?

– Если ты печешься о своем здоровье, можешь не беспокоиться. Тебя я трогать не собираюсь. Признаюсь честно, ты мне симпатичен.

– Польщен, – я прочистил горло. – Только речь не о том. Элесса мертв. Возвратишься в Заграбу?

– Родные леса подождут, – после некоторого раздумья сказала она. – Во-первых, число желающих спустить с меня шкуру со смертью родственничка едва ли уменьшилось. Помнишь тех незнакомцев, что убили к'лиссангов? Во-вторых, вернись я сейчас в родные леса – вновь отправлюсь на встречу с демонологами. Отец не слишком доволен змеиными знаками на моих руках. А мне и моим друзьям совершенно не хочется расставаться друг с другом. Так что пока я останусь в городе, а потом что-нибудь придумаю.

– Тебя не привлекает корона Дома Черной Воды?

– Меня не привлекает стать покойницей. Ну, и потерять обретенную силу. Как думаешь, ты смог бы мне помочь освоиться в незнакомой обстановке?

Я мрачно насупился. Змеи-демоны, обосновавшиеся на ее руках, смотрели вопрошающе. Вот свалились на мою шею! Интересно, что будет, если я откажусь? Оттяпают голову?

– Я заплачу тебе, – продолжила Милаисса.

– Да?.. Интересно, чем?

Лицо эльфийки стало серьезным.

– Дружбой.

Я поразмыслил над ее предложением. И согласно кивнул.

Мир Ветра и Искр

Пожиратель душ

О его приходе сообщили птицы. Десяток ворон оставили ветви черных елей и с возмущенными воплями бросились прочь. Несколько минок¹³ спустя, из-за деревьев появился незнакомец. Со стороны могло показаться, что густые еловые лапы поспешно раздвинулись, пропуская человека, чтобы он наконец-то покинул лес. Не оглядываясь на угрюмую зеленую стену, чужак прошел по утопающему в утренней росе небольшому лугу и остановился у сонного, ленивого, прячущегося в перину из тумана, ручья. Сняв с плеча сумку, положил на траву посох, зачерпнул ладонями воды и, фыркая, умылся. Вода пахла хвойной свежестью и... смертью. Смерть витала над этим краем. Раскинув черные кожистые крылья и накрыв своей тенью землю – от низких, изъеденных безумными ветрами гор на юге, до свинцового холодного моря на севере. Быть может, другие люди не смогли бы ощутить незримое тягостное присутствие Пожирательницы Жизни, но этот человек не раз и не два общался с той, которая уводит в Бездну. И узнал ее дыхание.

Не обращая внимания на неприятный привкус, он с удовольствием напился, затем наполнил флягу. Ручей остался к такому самоуправству безучастен, и чужак, наверное, в насмешку над ним, тонким пальцем с длинным, покрашенным в черный цвет ногтем, провел по спокойной глади. Вода на миг взволновалась и тут же успокоилась: стали видны бело-черные камешки на дне и отражение бесцеремонного наглеца.

Любой смог бы опознать в нем уроженца далекого жаркого Сдиса.¹⁴ Худой, смуглый, с запавшими щеками, огромным орлиным носом, высоким открытым лбом и тонкими, сжатыми в одну линию губами. Бритая голова, кустистые брови. Небольшая черная борода придала сдисцу донельзя нелепый вид, и в мире нашлось бы много шутников, не упустивших случая посмеяться над путником, если бы не одно «но». Глаза. Стоило весельчакам посмотреть в них, и смех застревал где-то в горле. Два черных, безучастных провала под густыми бровями многих заставляли отводить взгляд. Особо суеверным казалось, что на них смотрит сама Бездна. Возможно, в этом была доля правды.

Закончив пить, человек встал, перебрал через плечо кожаную сумку, поправил складки на некогда белой, а сейчас порядком испачканной за время путешествия мантии, набросил на голову капюшон. Затянул пояс, на котором висел кривой восточный меч в потертых лиловых ножнах, и подхватил лежащий на траве посох.

Об этом предмете следовало сказать особо.

Высотой в человеческий рост, черен, как долгая северная ночь, в верхней четверти он переходил в нечто, напоминающее позвонки. Те, в свою очередь, заканчивались набалдашником в виде оскаленного человеческого черепа. Знающим людям хилсс¹⁵ говорил о многом. Впрочем, как и незнающим. И те, и другие предпочитали держаться подальше от его обладателя.

---

¹³ Минка – минута.

¹⁴ Сдис – восточное королевство, родина некромантии.

¹⁵ Хилсс – название посоха некроманта. Этот артефакт получается в результате череды сложных магических ритуалов и является полумертвой-полуживой разумной вещью, магия которой пробуждается, только если владелец «связывает» свою душу с посохом и отдает ему часть Дара и жизненных сил. Набалдашник хилсса создан в виде черепа, в точности копирующего череп того, кто управляет им в данный момент. Количество позвонков на посохе обозначает принадлежность мага к тому или иному Кругу Мастерства, на которые разделена сдиская магическая школа. Наивысшим Кругом считается восьмой.

Прищури́в глаза, незнакомец несколько долгих ун¹⁶ смотрел на север. Туда, где за приземистыми курганами, по его расчетам, должно было находиться человеческое поселение. Именно оттуда сильнее всего разило смертью.

Больше не задерживаясь, сдισεц перепрыгнул через ручей и отправился в выбранном направлении. Высокий и широкоплечий, двигаясь на удивление легко и плавно, он скользил через туман быстро и бесшумно, словно клоп-водомерка по озерной глади.

Пройдя ярдов двадцать, мужчина нахмурился, как будто вспоминая о чем-то незначительном, а затем улыбнулся одними губами. Тихо свистнул, словно подзывал охотничью собаку и, не давая себе нужды проверить, идет ли она следом, прибавил шагу. В ответ на его зов из содрогнувшегося от омерзения леса вышли семеро в обрывках, которые язык не повернулся бы назвать одеждой. От созданий исходило ужасное зловоние, их глаза горели зеленым огнем. Раскинувшись цепью, они семенили за своим господином, не приближаясь, но и не отставая. Все были вооружены: кто тяжелым, заброшенным на плечо двуручным мечом, кто секирой, кто шестопером.

В отличие от хозяина, эти твари не знали усталости, не ощущали боли, не хотели спать, и даже вечный голод, терзавший их тупые головы, оказался обуздан. Чужак сплел из никчемных оболочек отличных охранников. Безропотных, непритязательных и что самое главное – бесстрашных и верных. Они были его вещами и, хотя жрали толику силы, но уже не раз приходили на помощь в дремучих Льдистых землях Империи.¹⁷

Луг закончился, впереди показалась каменная, заросшая по краям дурно пахнущим желтоцветом, тропинка. Она вела к курганам и, стараясь не задевать их седых склонов, скрывалась за холмами. Именно туда направился чужак. Конечно, он мог бы пойти иной дорогой, но позволил себе немного любопытства. Ему стало интересно, что послужило причиной прихода Пожирательницы Жизни.

Как и предполагал мужчина, курганы оказались мертвы. Сквозь толщу земли он ощущал останки тех, кто давным-давно пирует в ледяных залах бога северных варваров – Уга. Захоронения были старыми и не представляли опасности для живых. Смерть на этот раз пришла не из древних могил.

Ноги слуг безжалостно мяли высокую седую траву, растущую на склонах, пугали мелких кузнечиков, наслаждающихся коротким холодным летом, спеша за тем, кто подарил им временную жизнь. Туману надоело прижиматься к земле, и он густой пеленой повис в воздухе, скрыв своим призрачным телом все, что располагалось в пятнадцати ярдах от чужака. Но тот и не думал снижать темпа – шел уверенно и быстро. Чтобы придерживаться верного направления, ему не были нужны глаза. Широкие крылья носа трепетали – он ощущал аромат Пожирательницы и шел туда, где тот витал сильнее всего.

У последнего из курганов, самого низкого, находилось кольцо дольменов. Мрачные, заросшие алыми пятнами лишайника, строения казались забрызганными кровью. Создавалось впечатление, будто они сверлят путника тяжелыми взглядами, предупреждая о том, что здесь не место незваным гостям. Но пришелец не обратил на древние святилища никакого внимания. Его было не так просто напугать.

В круге, который создавали дольмены, стоял потемневший от крови каменный жертвенник. Рядом с ним в землю были воткнуты копьа, обвязанные множеством разноцветных тряпочек и лоскутков, словно ярмарочные ходули. На каждом из них скалился козлиный череп. Последние из жертв, принесенных Угу.

---

¹⁶ Уна – секунда.

¹⁷ Империя – огромная страна, являющаяся крупнейшей и самой могущественной державой мира Хары.

Сдисец внимательно изучил место и нашел то, что искал – изображение снежного кота. Теперь он знал, какому клану северян принадлежит поселение. Рыжеволосым Детям Ирбиса – одному из семи племен варваров, населяющих Лыдистые земли.

Когда курганы остались позади, путник оказался в широкой долине. С юга и востока на нее наступала непроходимая еловая стена, с запада – увенчанный сосенками холмистый пояс, а на севере начинались леса, лиг через восемьдесят переходящие в тундру, тянущуюся до самого Свинцового моря.

В долине тоже был туман. Впрочем, не такой густой, как у дольменов. И все же часовой на смотровой вышке заметил чужака, лишь когда тот оказался всего в сотне ярдов от частокола. Это было непростительно, хотя белое на белом всегда сложно разглядеть. Пришелец, точно демон, вынырнул из витающего над землей густого молока. Давая себя рассмотреть, он откинул капюшон и, не спеша, перешел вброд неглубокую речушку, заросшую по берегам жидкой низкорослой осокой. Поначалу наблюдатель на посту не понял, что это за человек. И лишь после того, как из марева выбрались семеро, рыжеволосый северянин поднял тревогу.

Путник остановился, не дойдя до ворот ярдов пятнадцать. Следом за хозяином, повинаясь неслышиму приказу, остановились и слуги. Облаченный в белую мантию с интересом рассматривал встречающих. Двадцать человек. Высокие, рыжеволосые и усатые. Каждый из мужчин носил килт и распаханную на груди шерстяную рубаху или кожаную безрукавку. Все были вооружены. Стражник на вышке держал лук наготове.

Северяне смотрели на чужака хмуро и недружелюбно, но без боязни и ненависти. Пришедший расценил это обстоятельство, как большую удачу. Он знал, что обычно глупые поступки совершаются не от недостатка ума, а из страха. Сейчас же никто не спешил стрелять или, тем паче, бросаться на него с оружием. Значит, есть шанс договориться с этим неприветливым народом и узнать, что у них стряслось.

Два десятка угрюмых Детей Ирбиса внимательно изучали пришельца, облаченного в белое одеяние. Тот обеими руками опирался на посох, и на его лице нельзя было прочесть ни одной эмоции. Черные глаза скользили по высокому проломленному частоколу, смотровой вышке, разрушенным воротам. Он подчеркнуто не замечал людей, давая им время принять решение.

Наконец, когда молчание стало невыносимым, из толпы вышел грузный высокий, немолодой уже мужчина и, передав свое оружие одному из товарищей, решительным шагом направился к дисцу. На семерых мертвецов, что стояли за спиной незваного гостя, он даже не посмотрел.

Путник одобрительно хмыкнул себе под нос. В чем варварам не откажешь, так это в невозмутимости и смелости. Ожившими куксами¹⁸ их не испугать. Не то, что жителей более цивилизованных земель.

Сын Ирбиса оказался на голову выше незнакомца и гораздо шире в плечах. От него пахло потом и дымом. Голубоглазый гигант прожег носящего хилсс человека настороженным взглядом и произнес:

– Я Ра-тон, сын Га-льба. Что тебе надо, колдун?

– Люди считают, опрометчиво называть свое имя тому, кто черпает силу из Бездны, – криво усмехнулся некромант. Голос у него оказался сухим и неприятным.

– Должно быть, это глупые люди. Только злой дух, да снежный демон могут украсть имя и вселиться в человеческое тело. Ты не похож ни на того, ни на другого. Твоя кровь также тепла, как моя, – последовал ответ.

– Возможно, ты и прав, воин, – черные глаза смеялись.

– Что тебе надо?

---

¹⁸ Кукс – мертвец, поднятый с помощью магии.

– Не уверен, что ты сможешь исполнить все мои желания. Но если найдешь мне крышу над головой и немного жареного мяса, я буду счастлив.

– Поклоняющемуся Смерти здесь не место. Она может прийти к нашим очагам.

– Смерть уже среди вас. Думаю, после нее вы вряд ли заметите мое присутствие.

Ра-тон вздрогнул:

– Откуда ты знаешь?

– Я же не спрашиваю, откуда ты знаешь, когда начнется снежный буран, где пройдет рысь или проползет ледяной червь.

– Кто поверит сдисцу? Люди юга коварны, – пробормотал северянин и неуверенно оглянулся на товарищей.

– Мне незачем причинять вам вред. Быть может, я смогу помочь, – вкрадчиво произнес колдун. – Иди. Передай слова старейшинам. Пусть они примут решение. Я подожду.

В этот момент из-за спин варваров поспешно вышла невысокая пухлая женщина. В отличие от северян, она была одета в платье, которое носили маги Империи. Житель Сдиса нехорошо прищурился и сжал посох побелевшими пальцами.

– Вот так встреча, – пропел он, и мертвые слуги за его спиной зашевелились и приблизились на несколько шагов.

Ра-тон почувствовал себя неудобно, но все же сделал то, чего колдун от варвара никак не ожидал – встал между ним и Ходящей.¹⁹ Увидев на своем пути живую преграду, женщина с досадой нахмурилась, и плясавшая на ее правой ладони молния затихла. Утекла в морщинистые пальцы, спрятавшись до поры до времени. Но в воздухе все равно ощутимо пахло грозой.

– Как ты попал сюда, Белый? – спросила она. Лицо у нее было старым, заострившимся и очень усталым.

– Позволь мне умолчать о своих путях, ведьма, – процедил темный маг.

– Не позволю, – отрезала Ходящая. – Те, кто поклоняется Проклятым, в землях Империи вне закона. Владеющему темным Даром здесь не место. Убирайся, мразь! И уводи своих мертвецов.

– Я бы хотел посмотреть, как ты заставишь меня это сделать, женщина, – неприятно рассмеялся чужак.

Ее бледное лицо пошло пятнами, в серых глазах вспыхнула ненависть, и на ладонях вновь появилась молния. В ответ на это череп на посохе некроманта ожил и, протяжно зевнув, с явной насмешкой уставился на волшебницу. Тем временем куксы сделали еще несколько шагов, взяв людей в неполное кольцо. Зеленые глазницы неотрывно смотрели на волшебницу, и та не сразу поняла, что оказалась окружена.

– Ты слишком слаба, чтобы справиться со всеми, женщина. Мертвая плоть разрушается совсем не так, как живая, – вкрадчиво произнес Белый. – Даже если тебе удастся убить меня, кто-нибудь из них сожрет тебя вместе с твоими молниями. Не слишком приятная перспектива, неправда ли?

Ходящая закусила губу, но не сдалась. Она готова была броситься в бой, и некромант с досадой поморщился.

Глупая баба.

Представители двух, веками враждующих между собой, магических школ встретились, и вот-вот должно было произойти непоправимое. Неизвестно, что оставят после себя маги – цветущие сады или пепелище. Скорее всего, последнее. Ра-тон затаил дыхание. Он молился Угу, чтобы тот не допустил поединка. И бог его услышал. Кто-то дернул варвара за рукав и мужчина с удивлением понял, что рядом стоит его двенадцатилетний сын. Следовало устроить

---

¹⁹ Ходящая – женщина, обладающая светлой стороной Дара: магией, разрешенной в землях Империи. Сосредоточением сил и власти светлых магов в стране является Башня.

мальцу большую порку, что пришел без спроса, но сейчас не время. Отец наклонился, и мальчик прошептал:

– На-гор ждет чужака. Я сбегал и передал.

Молодец!

– Достаточно, госпожа! – прогремел Ра-тон. – Колдун войдет в деревню. Так решил старейшина.

– Вы не посмеете! Эта тварь опасна! Я запрещаю!

– Это север, и мы свободный народ. Слово старейшины – закон. Только он может приказывать.

– Он принесет зло в ваши дома!

– Зло уже поселилось там, – невозмутимо пророкотал упрямый северянин. – Отойдите, госпожа.

– Безумцы! Вы пожалеете о том, что впустили в свои жилища пожирателя душ. Но будет слишком поздно.

– В моей земле говорят, собака лает – караван идет, – усмехнулся некромант. – Успокойся женщина. А еще лучше – уезжай. С тем, что здесь произошло, тебе не справиться.

Она ничего не ответила, лишь сокрушенно покачала головой и пошла прочь.

– Ты войдешь со мной в Рангу, но не мертвые, – прогремел Ра-тон, когда маг скрылась из виду. – Им не место среди живых.

– Да будет так, о, громopodobный, – улыбнулся колдун. – Мои слуги подождут у курганов. – Постарайся сделать так, чтобы никто из деревни не гулял по тем местам какое-то время.

Покойники развернулись и размеренной поступью отправились в обратном направлении.

– Как нам тебя называть? – спросил варвар, провожая костлявые силуэты хмурым взглядом.

– Гафур, – чуть-чуть помедлив, сказал сдисец. – Гафур ибн Асад аль Сахаль-Нефул.

Деревня, названная Рангой, оказалась неожиданно большой. Шестьдесят сложенных из камня приземистых изб, с земляными и соломенными скошенными крышами, небольшими, затянутыми рыбьими пузырями оконцами и крепкими дверьми. Со стороны жилища казались холодными и темными.

Гафур шел сразу за Ра-тоном. За спиной сопело четверо вооруженных, не спускающих с него глаз, воинов. Люди рискнули, пустили его в поселение, но не собирались оставлять без присмотра. Вполне разумная предосторожность. Хотя, если что будет не так – они его не остановят.

На чужака глазела вся деревня. В особенности дети. Однако никто не кричал, не показывал пальцем, не бежал следом. Смотрели молча. И так же молча провожали взглядами. Этот народ был совсем иным, чем люди юга. Закаленный холодом. И все же сдисец чувствовал страх, заполнивший поселение, словно кто-то злой и жестокий пробежался по Ранге с полным котелком ужаса и расплескал все содержимое на землю. От незримого присутствия Пожирательницы Жизни ломило кости и сжимало виски. А еще в воздухе витал странный запах, столь неуловимый и незнакомый, что колдун никак не мог понять, что это такое.

Гафур обратил внимание на группу разрушенных хижин на западе, совсем недалеко от сосновых холмов. Создавалось впечатление, что какой-то великан развалил их одним ударом, а затем, не удовлетворившись этим, проломил частокол, вырвав из земли массивные еловые бревна. Ра-тон заметил, куда смотрит некромант, и пробурчал проклятие.

– Это лишь хвост ледяного червя.

Действительно, или ураган погулял не только на окраинах, но и в центре деревни. Два больших общинных дома оказались раздавлены в лепешку.

– Я хочу осмотреться.

- Позже, колдун. Сейчас нас ждет старейшина.
  - Говорят, у вас их несколько.
  - А остался один, – помрачнел Ра-тон. – Остальные находились там.
- Он кивнул в сторону ближайшей развороченной избы.

Всю оставшуюся дорогу они провели в молчании. Наконец, северянин остановился у одного из домов и, буркнув: «Жди здесь», – вошел внутрь. Спустя какое-то время рыжеволосый гигант под руку вывел из темной избы полуслеплого старика. Несмотря на возраст, старейшина все еще был крепок, и Гафур не сомневался, что его мозолистые руки когда-то вполне могли гнуть подковы.

- Я На-гор, сын За-рона, гость. Какая нужда заставила тебя прийти в нашу деревню?
- Ты знаешь, кто я такой? – колдун не любил быть вежливым.
- Да, я слышал о таких, – старейшина не обиделся на грубость. – Но никогда еще люди из Сдиса не приходили в Лыдистые земли. Не говоря уже о тех, кто выбрал белое и поклонение Проклятым.²⁰ Твой путь был долг и труден. Не просто пройти через земли Империи. Ты что-то ищешь?

- Путешествую, – пожал плечами некромант. – Смотрю мир.
- Тот, чей посох увенчан семью позвонками может себе это позволить, – закашлял старик. – Никогда не думал, что буду рад Белому.
- Никто из нас не знает, чему будет рад в тот или иной момент.
- Мудрые слова, – кивнул На-гор. – А еще люди никогда не знают, когда их настигнет зло. Зайдем в дом. Ты, должно быть, голоден, гость.

Внутри жилища пахло старыми шкурами, свежими грибами и сосновой смолой. На земляной пол были набросаны медвежьи шубы, в глиняном очаге полыхало пламя. Здесь оказалось жарко, словно в Великой пустыне, но Гафур этого не замечал. Он родился среди песков, где у прибывших из-за моря чужестранцев от полуденного солнца вскипает кровь.

Сдисцу предложили жареную лосятину и копченого лосося, мелкие сладковатые корнеплоды, кедровые орехи в меду и густое пиво. Некромант утолял голод, Ра-тон и На-гор молчали. Первый к еде не притрагивался, второй – пил напиток из душистых трав, который ему заварила молодая женщина. То ли внучка, то ли еще кто.

- Я готов тебя выслушать, старик, – сказал колдун, покончив с пищей.

Старейшина кивнул, крикнул и вытер усы. Поставив грубую глиняную кружку на невысокий дубовый стол, задумался. Затем неожиданно спросил:

- Что ты чувствуешь, идущий за Бездной?
- Смерть и страх.
- Да. Много смерти. И еще больше страха. Дети Ирбиса не боятся холодную деву. Нет. Другое тяготит нас. Тот, кто приходит – пожирает души. Ни один из погибших не достиг ледяных чертогов Уга.

- Когда это началось?
- Восемь дней назад. Тогда впервые пришел возвратившийся.
- Возвратившийся?

Такого названия Гафур не слышал. Возвратившийся мог быть кем угодно – от обычного неупокоенного или какой-нибудь разновидности местного гуля и заканчивая верховными альгастами. Связываться с последними совершенно не хотелось.

- Да. В жарких песках Сдиса таких не бывает. У него есть и другое имя, – старейшина испытующе посмотрел на бритоголового. – Возможно, его ты слышал. Хелблар.

---

²⁰ Проклятые – изгнанники, некогда бывшие Ходящими, обратившимися к темной стороне Дара и развязавшие войну Некромантов.

Глаза колдуна нехорошо блеснули. Теперь он бы очень хотел, чтобы это оказались всего лишь аль-гасты. Твари сильные, свирепые, но куда менее опасные, чем то, что пришло в деревню.

– Также его называют драугром. Я слышал о таких существах. Продолжай.

– Он приходит каждую вторую ночь, убивает людей и скот. От него нельзя спрятаться, и никто из Сынов Ирбиса не знает, кто станет следующим.

– Вы пытались с ним справиться?

– Дети Ирбиса воины. Лучшие в Империи. Сдис должен помнить, кто охраняет Врата Шести Башен,²¹ – голос старика стал жестким. – Конечно, пытались. Все, кто осмелился выйти в ночь – мертвы. Тех, кто искал его логово, больше не видели. Хелблар не боится оружия. Его нельзя победить сталью. Только магией.

– У Ходящей это не получилось?

– Нет, – скрипнул зубами Ра-тон. – Она появилась шесть дней назад. Пыталась его убить, но возвратившийся ловок и хитер. Он убивал и уходил, прежде чем она его встретит. Лишь однажды она поразила его заклинанием, но впустую.

Естественно! Эта волшебница отнюдь не сильна, а драугр, даром, что раньше был человеком, сейчас обладает совсем иными возможностями и умениями. Молнии, лед и прочие ярмарочные фокусы здесь не помогут. Драугр – не обычный оживший мертвец. Нечто пострашнее. Лев царства мертвых.

– Скольких он убил за эти дни?

– Двадцать три человека. Я приказал их сжечь.

Гафур одобительно кивнул. Верный поступок. Пламя не даст телам, у которых похитили души, подняться из могил и причинить вред живым. Если бы у хелблара появилась свита, дела бы обстояли еще хуже, чем сейчас.

– Вы знаете, кем он был при жизни?

Повисло неловкое молчание. Старейшина сверлил взглядом Ра-тона и тот, наконец, неохотно произнес:

– Да. Он жил в нашей деревне. Его звали Да-ром.

– Он был молод?

– Это так важно? – отчего-то оскалился Ра-тон.

– Да.

– Молод.

Значит, души он сосет гораздо медленнее, чем старик. Хорошо.

– Как он умер?

– Убил себя, – было видно, что рыжему великану этот разговор неприятен.

Гафур недоверчиво хмыкнул.

Странно.

В некоторых случаях самоубийца мог выбраться из могилы и шататься ночами по окрестностям, а порой даже посасывать кровь у скотины, но превратиться в хелблара... Маловероятно. Для этого надо нечто большее, чем покончить с собой. Некромант почувствовал, что после стольких лет поисков, он наконец-то напал на след.

– Ты знаешь, почему он решил умереть?

Заговорил На-гор, и Ра-тон с явным облегчением перевел дух.

– Он убил женщину. Из-за того, что она была не его. А потом решил уйти следом. Уг не принял душу убийцы в ледяные чертоги, и поэтому пришел возвратившийся.

Некромант покачал головой:

---

²¹ Врата Шести Башен – неприступная цитадель на единственном перевале через Самшитовые горы.

– Сомневаюсь, что все так просто, старик. Хелблар – это высшая ступень того, во что может превратиться мертвый. Драугр пожирает не только плоть. Питаясь душами, он набирается сил. С каждым убийством, с каждой душой становится все сильнее и сильнее. А затем перерождается в то, от чего бегут даже снежные тролли. А уж их-то никто не смеет обвинить в трусости. Я сомневаюсь, что все дело в не принятой душе. Возвратившимся движет что-то иное.

– Что? – нахмурился Ра-тон.

– Еще не знаю. Расскажи мне о женщине.

– На-ара была красива, – процедил Ра-тон. – Она многим нравилась, но ее родители давно решили, кому она будет принадлежать. Через месяц девочка и наш лучший воин – Хазон должны были связать себя узами Уга. Но Да-ром любил ее, и убил, чтобы она не досталась другому.

Некромант презрительно поморщился. Порой людские поступки ставили его в тупик.

– Ты сможешь прогнать зло? – старейшина не отводил от него глаз.

– Быть может, и помогу, – после очень долгого молчания сказал некромант.

– Мы не справимся сами. Ни один меч и топор деревни здесь не помощники. Тебя послал Уг. Веришь ты в это или нет. Если уйдешь, люди будут умирать до тех пор, пока никого не останется.

Гафур хотел было сказать, что ему все равно, но произнес совсем иное:

– Этой ночью он должен прийти вновь. Я останусь с вами. Это все, что я могу обещать.

Но пусть Ходящая не мешает мне. Ты согласен?

– Да.

– И мои слуги к вечеру вернутся. Они понадобятся.

На этот раз старейшина задумался надолго:

– Люди не должны пострадать от вставших из могил.

– Договорились.

– Делай то, что сочтешь нужным. Но только прогони возвратившегося, – дал разрешение На-гор.

Наступил вечер, а северное солнце и не думало клониться к закату. Добравшись до горизонта, оно, казалось, замерзло, застыв до утра и превратив ночь в жалкую падчерицу сумерек. За время своего путешествия по этим землям Гафур так и не смог привыкнуть, что в полночь здесь светло точно так же, как и ранним утром.

То ли дело ночи Сахаль-Нефула²² – черные, как синский бархат, и теплые, словно дыхание любимой женщины. Та, что должна прийти сейчас, была жалким ублюдком, вырождением, к которому не подходили великие слова визиря Нафа-Сарата: «Храни же нас от света и от лжи. Храни от льва, гиены и печали. О Ночь, возьми нас в руки сладкой Тьмы, закрой плащом от ярости и стали».

Нечто совсем другое медленно и неуловимо подкрадывалось к деревне. Сейчас, та, кого среди великих минаретов называли королевой звезд и владычицей луны, словно большая голодная кошка затаилась за южными кряжами, ожидая своего нара,²³ чтобы прыгнуть и собрать кровавую жатву.

За день некромант побывал на развалинах домов, но не смог узнать ничего нового. Ощущения оставались теми же, что и раньше. Смерть, страх, месть и нечто неуловимое. Столь старое, что его никак нельзя было узнать. Он все больше и больше склонялся к мысли,

---

²² Сахаль-Нефул – столица Сдиса.

²³ Нар – час.

что на правильном пути. Другр появился не просто так. Но чтобы быть уверенным в этом точно, его следует убить. А это не так-то легко.

С того самого момента, как солнце стало тускнеть, а тени удлиняться, каменные маски северян начали лопаться одна за другой. В глазах варваров плескались бездонные озера страха. Люди то и дело поглядывали на небо, чтобы не пропустить тот момент, когда следует уйти в дома и накрепко закрыть ставни и двери. А затем молиться Угу, чтобы другр прошел мимо.

Если некоторые взрослые еще находились на улице, то детей и скотину давно загнали в избы. Смотровой покинул вышку, мужчины перестали собираться и разговаривать у костров. Вот-вот должно было случиться то, чего все боялись. Смерть на несколько наров возьмет деревню под свое крыло.

Лишь птицы не опасались Пожирательницы Жизни и, перепутав день с ночью, на все лады голосили в кронах деревьев. Гафур и Ра-тон сидели на берегу неспешной реки, слушая птичье щебетанье. Некромант смотрел на черную, отражающую низкие облака, воду и молчал. Варвар, не оставлявший колдуна ни на минутку, расположился поодаль, устроившись на холодном, покрытом лишайником, совершенно не прогретом за день, камне. Рядом с собой северянин пристроил боевой топор и то и дело поглядывал на бледное солнце. С каждой минуткой он нервничал все больше, но колдун, словно не замечал этого.

Он никак не мог понять причин происходящего. Кое-что с кое чем не сходилось, и это заставляло сдвигать не принимать поспешных решений. Приступнуть такую тварь будет непросто. Возвратившийся – не банальный шуй-агул или поднятый чарами скелет. Он обладает магией, и его шкуру пробьет не всякое оружие.

– Вы проверяли могилу? – неожиданно спросил Гафур.

Ра-тон перестал пялиться на небо и кивнул:

– Да. На следующий день после того, как пришел возвратившийся. Могила пуста. Иначе мы бы уже справились с ним. Хелблар устроил себе логово где-то в лесу.

– А что с телом девушки?

– Если ты о могиле, она цела.

Некромант поджал губы, но ничего не сказал.

– Тот, кто должен был стать ее мужем, жив?

Лицо у Ра-тона застыло:

– Да.

– Хочу с ним поговорить.

– Сейчас у нас нет времени, Белый. Ночь близится. Следует уходить.

– Мы успеем.

Рыжий нахмурился, затем решил спросить:

– Отчего он пришел к нам? Неужели Уг был прогневан?

Некромант ничего не знал о воинственном божке рыжих и поэтому пожал плечами:

– Могу лишь сказать, что земля ничего не рождает без причины. Даже другра.

– И ты не знаешь эту причину?

– Не знаю, – не стал отрицать некрмант.

– Я думал, такие, как ты, все знают о тьме.

– Тьма многолика, варвар. Порой, она принимает образ света. И не каждый может отличить их друг от друга.

– Тьма есть тьма, – сурово произнес Ра-тон. – Она никогда не делает добра, а свет – зла.

– Выходит, я свет? – мягко спросил Гафур, с интересом посмотрев на угрюмого северянина.

– Что? – не понял тот.

– Я не разнес ваше поселение по бревнышку, хотя мог бы это сделать. И помогаю избавиться от хелблара. Это ли не добрый поступок, человек? Выходит я не тьма, а нечто иное?

– Не знаю, – насутился варвар.

Маг сухо рассмеялся и взял посох.

– Отчего люди видят только две стороны? Светлую и темную? Почему считают Мастеров Круга злом только оттого, что мы дружим со смертью и умеем с ней договариваться. Они боятся нас, хотя мы ничуть не хуже Ходящих. Думаешь, те добры? – он вновь засмеялся. – Поверь мне, Башня отнюдь не стремится к миру. Мы, как и они, не темные и не светлые. Нет изначального добра и изначального зла. Есть люди, их желания, мечты, цели и поступки. Все остальное – отражения этого.

– Люди всегда будут бояться тех, кто может управлять мертвыми. Ушедшие принадлежат земле, но не живым.

– Страх – плохой сосед. Он лишает разума, сил, а затем и жизни. Стоит единожды испугаться, и Пожирательница встанет за твоим левым плечом.

Ра-тон насмешливо улыбнулся и разом стал походить на разбойника с большой дороги:

– Ты никогда ничего не боишься, колдун?

– Никогда и ничего, – отчеканил тот. – Это слишком большая роскошь для меня и моего искусства.

– Зачем ты пришел в нашу деревню?

Черные глаза какое-то время буравили рыжеволосого воина:

– Кажется, я уже говорил, что путешествую.

Ра-тон с сомнением хмыкнул:

– Не знаю, что ты ищешь, но у нас нет ничего ценного.

Некромант проследил, как спешащий муравей тащит в муравейник половинку жука, затем посмотрел на север, где темнел еловый лес. Солнце наполовину скрылось за ним и застряло, как видно, запутавшись в ветвях.

– Я запомню твои слова. Идем. Не стоит искушать смерть.

– Даже тебе? – усмехнулся Ра-тон, подхватывая топор.

– Даже мне, – серьезно ответил некромант, а затем, не спеша, направился в сторону деревни, не проверяя, идет ли за ним северянин.

Тот, конечно же, шел.

Несмотря на то, что снаружи и не думало дальше темнеть, из-за плотно закрытых ставень и надежно укрепленной двери в доме Ра-тона властвовал мрак. Никто не озаботился разжечь огонь. Было тихо. Так тихо, что Гафур слышал, как стучат сердца жены северянина и его детей, прячущихся под полом. Сам сын Ирбиса сидел у остывающего очага, положив топор на колени. Он не шевелился, но некроманта нелегко было обмануть. Сдисец знал, что рыжий и не думает спать. Слишком частое и поверхностное дыхание, слишком громкое сердце, слишком яркое беспокойство за свою семью.

– Прекрати думать о них, – приказал колдун. – Твои мысли лишь привлекут его к твоему дому.

Северянин сделал глубокий вдох, выдох, а затем осторожно поинтересовался:

– Разве ты не хочешь, чтобы возвратившийся пришел сюда? Я думал ты этого добиваешься.

Гафур издал едкий смешок:

– Прости, варвар, но тогда ты – самый глупый из отцов. Если ты считал, что хелблар придет в твой дом, то должен был увести детей и жену.

Раздалось сердитое ворчание. Казалось, что у очага сидит большой медведь.

– Я не прав, Ра-тон?

– Прав, – раздался неохотный ответ. – Прав, порази тебя Уг!

– Тогда почему?

– Не важно.

– Нет! – в голосе Гафура послышалась сталь. – Важно. Если мужчина готов рисковать жизнями своих детей – это важно. Ведь у тебя нет ничего ценнее их. Так?

– Так, – подтвердил тот через какое-то время. – Так.

– Ты пригласил меня в свой дом. Я это ценю. Но ты должен был понимать, что темное тянется к темному. Драугр рано или поздно почувствует мое присутствие и придет проверить, кто покусился на его землю. Так в чем же дело? Неужели никто из твоих друзей не согласился бы принять женщину и двух сопливых ребятишек?

– Согласились, можешь не сомневаться. И сами предлагали мне это.

– Но ты отказался. Отчего?

И вновь гнетущее молчание. Некромант не спешил. Ждал. И одновременно отдавал приказ слугам, чтобы те окружили дом. Сейчас он «смотрел» глазами одного из них и видел, что деревня, словно вымерла. На улице не было ни души.

– Я Сын Ирбиса. Моя семья опозорит себя, если из-за нее умрет кто-то еще.

– Почему из-за вас кто-то должен умереть? Так уже было?

– Нет. Но возвратившийся может искать нас.

– Не кажется ли тебе, что ты сообщаем мне об этом слишком поздно? – процедил некромант. – Почему он «может вас искать»? Зачем вы ему? Что вы ему сделали? Ну же! Говори, забери тебя Бездна!

– Да-ром был моим старшим сыном, – глухо произнес Ра-тон.

– О, – казалось, колдун несколько не удивился этому. – Ты считаешь, что драугр может почуять родную кровь. Если б это было так, вы все давно были бы мертвецами. Твой сын мертв. То, что приходит ночами, уже не человек. Он не помнит ни отца, ни матери. Не знает, кем был в жизни. Вы ему без надобности. Тут нечто иное.

– Что?

– Кто знает. Быть может, месть. Быть может, еще что-то.

– Кому он может мстить, Белый. Что мы ему сделали?

– Вам лучше знать, что вы сделали, а что нет.

– Когда придет хелблар, ты выйдешь и убьешь его?

– Я еще не настолько сошел с ума.

Сдисец почувствовал, как Ра-тон смотрит на него.

– Ты боишься его.

– Нет. Но я не стремлюсь умирать. А теперь помолчи. Он рядом.

– Откуда ты...

– Птицы. Их больше не слышно.

А затем раздались тяжелые шаги. Земля содрогалась от веса идущего. Гафур приблизительно это и предполагал. Драугр – не похож на обычного выходца из могилы. Он меняется не только внутренне, но и внешне. Настолько прибавляет в весе и размерах, что даже самый сильный человек в мире вряд ли сможет приподнять его тушу над землей хотя бы на дюйм.

Послышался хруст, треск, крики отчаянья, впрочем, очень быстро оборвавшиеся. Стало ясно, что один из соседних домов постигла не самая приятная участь. Минка тишины, и вновь треск лопнувшей крыши. На дворе сверкнула ослепительная вспышка, да такая, что даже закрытые ставни не смогли ее пригасить. На мгновение Ра-тон увидел заострившееся бледное лицо некроманта.

– Что это?

– Ходящая. Он пришел в дом, где сидела Ходящая.

– Думаешь, она его убила?

– Нет. Скорее, наоборот. Она не справилась.

– Ты не поможешь ей?

– Уже поздно что-либо делать. Теперь он идет к нам, – пробормотал Гафур и отправил на встречу с возвратившимся свое мертвое воинство.

Он знал, что последует за этим, но не ожидал, что все закончится так быстро. В твари kloкотал такой котел мощи и страстей, впитанных с чужими душами, что у сдисца на миг перехватило дыхание. Ни один из семи мертвых не смог причинить драугру никакого вреда. Тот разорвал врагов, даже не замедлив тяжелого шага, и куксы умерли во второй раз. Теперь уже навсегда.

В следующее мгновение на крышу дома Ра-тона обрушился страшный удар. На некроманта и воина посыпалась пыль. Наверху что-то закрипело, застонало, затрещало надсадно. Часть кровли обрушилась внутрь, едва не придавив северянина, а на фоне светлого неба появилась огромная когтистая лапа.

– В сторону! – рявкнул некромант, и его посох запылал серебристым светом. Ра-тон, забыв о топоре, с руганью откатился в угол.

Гафур выкрикнул заклинание. Череп на хилссе ожил, зло зашипел и плюнул серым сгустком. Крыша превратилась в труху, а того, кто сидел на ней, отбросило в сторону на несколько десятков ярдов. Некромант слышал, как тяжелое тело угодило в сарай и перемолотило его в щепки.

Из-за повисшей в воздухе пыли ничего не было видно. Каждый вдох причинял боль. Хотелось кашлять и чихать, но сдисец не потерял присутствия духа. Он вливал в посох силу, наполнял его, заставляя надсадно визжать от прикосновения к Бездне.

На время оглохший и ослепший Ра-тон пытался встать. Колдун начал сплетать заклинание, но не успел. Крыши больше не было, и хелблар, одним мощным прыжком преодолев стену, оказался внутри. В нос ударил запах гнилой травы, хвои и мяса. У Гафура не было времени, чтобы рассматривать противника. Хилсс надрывно взревел и вновь плюнул серебристо-серым. Сияющий мертвым светом шар врезался драугру в грудь, отбрасывая назад. Возвратившийся стукнулся спиной о каменную стену и, проломив в ней дыру, вывалился на улицу.

Маг крутанул посох над головой, гортанно выкрикнул несколько фраз. Взыло, сверкнуло, Ра-тон вновь на мгновение ослеп, а когда зрение к нему вернулось, он увидел, что у пролома в стене струится и переливается огромная змея, состоящая из бледно-голубого пламени. Оно было также холодно и мертво, как и все, что касалось магии некроманта. Вместо головы у волшебной твари был лошадиный череп, глазницы которого пульсировали багровым светом. Создание угрожающе зашипело и раздуло капюшон, из-за чего через разрушенную крышу к небу устремился целый рой обезумевших голубых искр.

Сдисец на этом не успокоился и, зачерпнув пыли, осевшей на пол после разрушения крыши, сдул ее с ладони вверх. Варвару показалось, что само небо загустело, сплетаясь в новую кровлю. Призрачно-сизую и с виду необычайно хрупкую. Так счел не только Ра-тон, но и возвратившийся. Он пришел в себя от предыдущей атаки Гафура, взвился в воздух и всем своим немалым весом обрушился на магический кров.

Северянин испуганно охнул, потянулся за топором, но, вопреки его ожиданиям, магическая преграда не только устояла под натиском, но еще и обожгла хелблара. Тварь упала с высоты, так что содрогнулась земля, поднялась, и с остервенением безумца, теряя на ходу части растворяющейся плоти, бросилась на огненную змею. Холодное пламя вспыхнуло сгустком тьмы. Затем еще, и еще. Надсадный рев, полный боли и разочарования, достиг звезд, и Ра-тон потерял сознание.

Голова сына Ирбиса гудела, во рту остался привкус крови. Помянув Уга и тряся рыжей головой, северянин тяжело сел. Он был жив, а это означало, что возвратившийся до него не добрался. Ра-тон пытался не думать о том, как провалился в забвение. Ему было стыдно

за свою слабость, и он надеялся, что никто, кроме сдисца, не узнает о его позоре. Дети Ирбиса не должны падать в обморок, словно изнеженные жители центральной Империи.

Встать на ноги оказалось не так-то просто. Пол заметно качался, а стены готовы были закружиться в безумном хороводе. Так что до печи воин добрался исключительно на четвереньках. Привалившись к каменной кладке, с трудом огляделся.

Запутавшееся солнце готовилось вырваться из цепких еловых веток и объявить об очередном дне. Значит, они пережили ночь, и хелблар сегодня больше не вернется. Поискав глазами некроманта, хозяин разрушенного жилища увидел его в противоположном углу, недалеко от пробитой стены. Тот сидел по-восточному, закутавшись в грязно-серую мантию и обняв, словно ребенка, страшный посох. Набалдашник в виде черепа вновь казался всего лишь искусной поделкой, и на какой-то миг рыжий воин подумал, что все, что он видел ночью – страшный сон. Но отсутствующая крыша, выломанная стена, след от огненной змеи на полу и густой слой непонятной, ярко-оранжевой плесени на камнях говорили об обратном.

На лицо Гафура был наброшен капюшон, Ра-тон видел лишь смешную козлиную бородку и не мог понять, спит некромант или нет. Поэтому после недолгих колебаний он решился на вопрос:

– Ты жив, Белый?

– Вполне, – раздался сухой ответ.

– Возвратившийся... Что с ним?

– К сожалению, ушел. Он ранен, если это слово вообще применимо к тому, кто мертв.

Но не сильно. Ты рад?

– Не понимаю тебя.

– Он же был твоим сыном, – едва заметный наклон головы.

– У меня нет такого сына! – с яростью произнес Ра-тон. – Я потерял его, когда он убил женщину, запятнал честь предков и трусливо покончил с собой. Это не мой сын. Это возвратившийся. Если бы мог, я убил бы его своими руками! Очень жаль, что ты не отправил его на вторую встречу со смертью.

– Все оказалось гораздо хуже, чем я думал, – Гафур не оправдывался, говорил тихо, словно для себя. – Его не так-то просто задеть. Заклятья еще ни разу не подводили, но здесь он почти не обращал на них внимания. Это не свойственно мертвым.

– Хелблар не простой мертвец.

– Мне ли этого не знать? – Ра-тону показалось, что некромант криво улыбнулся под капюшоном. – Но даже драугр не выдержит удара «Змеи праха». А он устоял. Устоял, северянин. Понимаешь, что это может значить?

– Нет.

– То, что все не так, как вы мне рассказали. Драугр пришел не просто. Что-то подняло его из могилы, не дает покоя. Подпитывает, словно ручей реку, и наделяет силой.

– И что же это?

– Или кто, – хмыкнул белый. – Не знаю. Прежде чем узнать, придется уничтожить хелблара.

– Ты справишься с ним?

– И вновь говорю тебе – не знаю. Он ранен, но все еще силен. К тому же, прежде чем уйти, он убил всех собак. И я не смог его остановить.

– При чем тут собаки?

– Собачьей кровью я мог бы попытаться залить тот ручей, что кормит его. Но теперь придется потрудиться. Тот, кто пробудил драугра, узнал о моем присутствии и решил обезопасить себя. Во всяком случае, на время.

– Никто из Детей Ирбиса не занимается темным колдовством.

– Быть может, ты прав, а быть может, и нет. Я постараюсь узнать это завтра.

– Завтра? Не сегодня?

– Я слишком устал, чтобы спешить. Этой ночью он не придет, будет залечивать раны. И мне надо отдохнуть. Поесть и поспать. Завтра с утра я найду его логово и докопаюсь до истины.

– Я верю тебе и все же сомневаюсь. Если возвратившийся придет сегодня, мы, возможно, не переживем эту ночь.

– Здесь не может быть «возможно». Он приходил в деревню пять раз, убивал, пожирал души и становился сильнее. Думаю, шестую ночь не переживет никто. Но сегодня его не будет. Можешь мне поверить. Завтра с восходом солнца я начну охоту.

– Я пойду с тобой.

Некромант кивнул:

– Хорошо. Кроме тебя мне понадобится помощь еще четырех воинов. Ты сумеешь найти смельчаков, которые рискнут пойти за мной?

– Да.

– Тогда потрудись, чтобы среди тех, кто пойдет, был несостоявшийся муж убитой. Как его зовут? Ха-зон?

– Да. Зачем он тебе?

– Он необходим. Есть еще два дела, которые ты должен совершить, пока я отдыхаю.

– Все, что угодно.

Некромант рассмеялся:

– Ты еще даже не знаешь, что у тебя попросит темный, а уже согласен. Где твоя осторожность, варвар?

– Прекрати называть меня варваром! – сердито нахмурился Ра-тон. – Мы не дикари. Что до осторожности – я готов о ней забыть. Что нужно сделать?

– Во-первых, добудь мне к утру двух свиней. Во-вторых, тебе придется раскопать могилу девушки, которую убил твой сын. Мне нужна прядь ее волос и кусочек ногтя с указательного пальца левой руки.

– Я не стану этого делать! – вскинулся Ра-тон. – Уг не позволяет...

– Тогда вы все умрете, а Уг будет распоряжаться пустым алтарем и мертвой деревней, – перебил его Гафур. – Я в любой момент могу уйти, вы – нет. Так что тебе решать, как поступить. Пока же вытаскивай семью из-под пола и уводи. Этот дом больше непригоден для жилья. Его лучше разрушить. Только прежде сожгите все, что может гореть.

Ранним утром следующего дня пятеро воинов в килтах ждали сдисца у дома старейшины. Высокие, мускулистые, с заплетенными в косы рыжими волосами и лицами, раскрашенными красной краской, они походили на огненных демонов Брагун-Зана.²⁴ Все были вооружены. Двое несли луки и колчаны. Колдун сомневался, что оружие причинит драугру хоть какой-то вред, но не стал ничего говорить. Если железяки придают им уверенности в своих силах – тем лучше.

Ха-зон оказался старше, чем думал Гафур. Ему давно было за тридцать. Широкоплечий, зеленоглазый, с густой опрятной бородой и тонким, едва видимым шрамом на шее. Он был также угрюм и неразговорчив, как его товарищи, но сдисец заметил, что с Ра-тоном тот старается не общаться. Да что там! Они даже не смотрели друг на друга.

– Ты все приготовил? – негромко спросил у северянина колдун.

– Да, – сын Ирбиса передал магу маленький кожаный мешочек. – Здесь то, что ты просил.

---

²⁴ Брагун-Зан (или Мертвый пепел) – каменистые мертвые пустоши на севере Империи, появившиеся в результате войны Некромантов. Центром Брагун-Зана считается Громкопоющая гора – уснувший вулкан.

Волосы и ноготь. Отлично. При жизни мертвый любил ту, которую убил, и теперь этим можно воспользоваться. Любовь – прекрасное средство, чтобы обуздать любого. Даже покойника.

– Это свиньи? – Гафур кивнул в сторону двух визжащих мешков.

– Да.

– Их придется взять с собой.

– Мы воины и не будем таскать их у себя на спинах, – процедил один из северян. – Это позор.

– Позором будет, если я оставлю тебя в деревне, а твои товарищи пойдут сражаться, – процедил некромант. – Так что выбор у тебя невелик, дружок. Или ты потащишь свинью на себе, или останешься с ней здесь.

Варвар негодуя заворчал, но поймал суровый взгляд Ра-тона и заткнулся.

Их вышла проводить вся деревня. Женщины, вопреки ожиданиям сдисца, не плакали. Они отпускали сыновей и мужей с улыбкой на лице, молясь, чтобы Уг был с ними. Гафур в который раз отметил – люди севера совсем не такие, как другие. Их души тяжело понять. Казалось, холод настолько закалил этих людей, что превратил в твердую ледяную поверхность. В зеркало, которое не всем показывает отражение.

Когда мужчины перешли реку и впереди показались курганы, колдун повернул на запад.

– Нам на юг, – сказал Ра-тон. – Следы ведут туда.

– Он хочет нас запутать, – отозвался сдисец. – Иди за мной и не беспокойся.

Не вдаваясь в дальнейшие подробности, некромант направился в сторону холмистой гряды. Он знал, куда идти. Даже по прошествии суток в воздухе висел оставленный драугром удушающий след. Конечно же, пятеро рыжеволосых ничего не ощущали, но того, кто смотрит в Бездну, обмануть было не просто. Он знал, что тварь обустроила себе гнездо где-то за холмами.

Свиньи раздражающе визжали, и Гафур коснулся их сознания, заставляя уснуть. Какое-то время люди шли через поля, заросшие зверобоем и желтоцветом, затем – мимо карликовых березок, вокруг которых гулял растревоженный ветерок. Воздух звенел от стрекота насекомых.

Возле низкорослых, усыпанных кроваво-красными цветами кустов, нашлась тропинка, ведущая к холмам. Она, петляя среди душистого разнотравья, пробежала мимо неглубокого озера с темной торфянистой водой. Берега водоема кишели дикими птицами, а сразу за ним начинался сосновый бор, плавно забиравшийся на высокий отрог.

Гафур решил, что идти напрямик неразумно. Высота не высота, а силы уйдут. Уж проще следовать за тропкой, и, быть может, им окажется по пути. Так и случилось. Маленький отряд вышел к глубокому ручью, впадающему в оставшееся за спинами озеро. Прошел вдоль него и оказался в узкой каменистой балке, заросшей дикой северной малиной, дремучей ежевикой и все теми же колючими кустами с кроваво-красными цветами. Тропка сузилась, превратилась в едва видимую ниточку, но теперь это было не важно. Все видели, что в растительности кто-то протоптал дорогу, и не возникало сомнений, кем этот «кто-то» был.

Ручей, бегущий сверху, оглушительно звенел, прыгал по каменистым острым ступеням, скрывался в зарослях, подлезал под упавшие ветки и стволы. Здесь было прохладно и тенисто – растущие на обрывистых склонах сосны загораживали дорогу солнечному свету. На пути оказалась нависшая над тропой в виде огромного козырька гранитная скала. Здесь ручей срывался вниз маленьким водопадом, и воздух был свеж и прохладен от мириада разлетающихся брызг. Вода падала в небольшой бассейн, из которого торчали острые влажные скалы.

Воины напились и умылись, а затем свернули направо, начав подниматься по склону. Идти было тяжело, то и дело приходилось хвататься за выступающие из песчаной земли золотистые сосновые корни. Наконец, люди оказались на вершине одного из холмов. Сосны здесь

стояли куда выше и прямее, чем на склонах, а трава напоминала густой ковер. В ней, куда ни кинь взгляд, блестели рыжеватые шляпки маслят.

Гафур посмотрел в сторону, откуда они пришли. Деревня с такого расстояния была не больше ногтя мизинца. Далеко забрались. Гораздо дальше, чем он рассчитывал, но в этом не было ничего фатального. Поляна, как никакое другое место, подходила для того, что он задумал.

Солнце висело над головой, тени почти исчезли. Вот-вот настанет полдень – лучшее время, чтобы встретиться лицом к лицу с тем, кто не слишком жалуется солнечный свет. В это время суток дыхание Бездны наименее ощутимо, а, следовательно, друг гораздо слабее, чем всегда. Грех этим не воспользоваться.

Некромант посмотрел на северян, ожидающих его приказаний.

– Думаю, подготовимся здесь, – сказал колдун. – Заколите свиней.

– А что будешь делать ты? – мрачно спросил Ха-зон.

– Увидишь.

Пока северяне занимались делом, колдун еще раз осмотрелся. Определив, где восток, опустил на колени и быстро помолился. Он не был набожен, но в данной ситуации считал, что это будет не лишним. Затем снял с плеча сумку, открыл ее, достал толстую книгу в переплете из человеческой кожи, нашел нужную страницу с таблицами звезд и лунным календарем. Сверившись с ними, извлек из все той же сумки небольшую баночку с черной краской, получаемой из слюны поющих восточных червей, и тоненькую кисточку из горностаевых волос. Четкими короткими штрихами нарисовал на тыльной стороне ладони левой руки два десятка мелких рун «Подчинения», связав себя со своим мечом. Заключил все это в круг и добавил по «Пирамиде Стабильности» на центральных суставах каждого из пяти пальцев. Теперь, что бы ни случилось, никто не сможет выбить его Дар и заблокировать магию. Отчего-то Гафур ни на миг не сомневался, что хозяин друга попытается проверить подобное.

Закрыв баночку и обтерев кисточку, он вместе с книгой убрал их обратно, встал с колен. Острым черным ногтем провел по своему правому предплечью, разрезая кожу. Показалась кровь. Колдун дал ей свободно стекать к пальцам, затем помахал в воздухе рукой, заставляя горячие алые капли упасть на траву. Подошел к стоящим над мертвыми свиньями Детям Ирбиса и пометил кровью бока животных.

– Сделайте то же самое.

На этот раз они ничего не спрашивали и поступили так, как он сказал. Некромант внимательно проследил за каждым из воинов и удовлетворенно кивнул, когда они отдали часть своей крови.

Опять настал черед рисования. Стандартные руны «Подчинения», «Стабильности», «Вызова», «Усиления», плюс сложная, хрупкая и безумно опасная для художника гексограмма «Ал-ла-ад-йиля», призывающая из Бездны бесплотного демона четвертой ступени. Любая ошибка в ее создании могла обернуться гибелью вызывающего, но Гафур нарисовал ее дважды – на каждой свинье, и его рука ни разу не дрогнула, а срывавшиеся с губ страшные слова были произнесены четко и в установленные сроки. Воины хмуро взирали на разрисованные черным бока несчастных животных, но молчали.

Белый запустил руку в бездонную сумку, вытащил маленький пузырек из синего, необычайно красивого стекла. На его дне радужным блеском и искорками веселья переливалась непонятная субстанция. Можно было подумать, будто это расплавленный металл, если бы не то обстоятельство, что стекло флакона оказалось необычайно холодным. Вытащив зубами плотно пригнанную пробку, некромант капнул на тушу каждой свиньи по одной капле. Остро запахло корицей, а свиные шкуры зашипели, словно на них щедро плеснули крутым кипятком. Покончив с этой процедурой, маг запустил руку под мантию и достал две длинные черные иглы. Их он воткнул свиньям под левые лопатки. Затем взялся за хилсс.

Череп-набалдашник проснулся, протяжно зевнул, и северяне отступили на несколько шагов, так как мертвые тела животных шевельнулись. Потом произошло и вовсе невообразимое. Свиньи, зловеще хрипя, начали увеличиваться в размерах. Их шкуры почернели, морды уродливо вытянулись, зубы выросли до неестественных размеров, тела раздались в ширину, обросли мышцами. И без того маленькие глазки стали еще меньше, загорелись изумрудным огнем. Хрипя и сопя, словно пробитые кузнечные мехи, чудовищные твари встали на ноги и, не обращая внимания на застывших людей, направились в противоположные концы поляны.

– Клянусь Угом, – наконец прошептал Ра-тон. – Это не слишком...

– Приятно? Зато действительно. Какое-то время они смогут удерживать драугра.

– А огненная змея?

– Ее питает луна. Днем она бесполезна.

Гафур прошелся по поляне, рассыпая из покрытой воском коробочки серый порошок. Он был рад, что здесь есть ветер. Любой мертвый почует запах пылицы «черного глаза» за несколько лиг. Эта вещь действеннее человеческой и, уж тем более, свиной крови. Хелблар вполне может игнорировать их аромат, пока не наступит ночь. Но даже он не сможет устоять против запаха пылицы. На всякий случай некромант решил не рисковать и насыпал порошка в мешочки, где лежал локон и ноготь убитой Да-ромом девушки. После этого сжег все это и развеял пепел в воздухе. Теперь оставалось лишь ждать.

Северяне, держась за оружие, поглядывали на усевшихся у сосен «свиной». Те игнорировали присутствие людей и лишь поводили рылами из стороны в сторону, грозно похрюкивая. Гафур «удерживал» их через посох одной силой воли, и твари почти не жрали его магических сил.

Подошел Ра-тон:

– Когда мы пойдем к его логову?

– Я не безумен, чтобы лезть к нему. Там он как у себя дома, и мы превратимся в легкую добычу. А здесь открытое место и яркое солнце. Он придет сюда. Скажи своим людям, чтобы они были наготове. Когда он появится, пусть орут во всю глотку, но не встанут у него на пути. Сталь здесь бесполезна.

– Тогда зачем ты нас с собой взял?

– Должен же был кто-то нести свиной? – пожал плечами некромант и, не обращая внимания на сыпавшего проклятиями варвара, отвернулся. Следовало повторить заклинания.

Ждать пришлось даже меньше, чем он рассчитывал. Просто в какой-то момент ветер переменялся, и в нос ударил уже ставший знакомым запах гнилой травы, хвои и плоти. Гафур громко крикнул, предупреждая варваров об опасности. Посох в его руках негодующе взревел, и мир померк, окрасившись в серые тона. Поляна взорвалась призрачными огнями, которые умерщвляли траву, цветы и деревья, напityвая воздух выкаченной из них жизнью и всеограшающей силой смерти. Рисунок на левой руке сдисца запольхал багрянцем, кости выкручивало от обрушившейся на смертную оболочку мощи, но он, не обращая внимания на боль, нанес невидимый удар по южному краю холма. Сосны с оглушительным стоном истаяли в воздухе, взорвались черным пеплом, который облаком повис над мертвой, пожухлой травой. Но драугра там уже не было.

Тварь успела выпрыгнуть из засады и с грохотом приземлилась на поляну, оставив на ней глубокие отпечатки. Только теперь Гафур смог рассмотреть того, кто ему противостоял. Он не видел Да-рома при жизни, но сразу счел, что тот не мог быть столь массивен. Широкие плечи, бочкообразный торс, длинные руки, заканчивающиеся когтистыми пальцами. Шипы на локтях и коленях, бледно-синяя, мертвенная кожа. Местами она отсутствовала, и была видна плоть и кости – предыдущая встреча с некромантом не прошла для возвратившегося даром. Приплюснутое лицо с широким носом, массивными надбровными дугами и тяжелым подбородком. Губы у хелблара отсутствовали, и на их месте торчали редкие желтые

зубы такого размера, что вполне смогли бы рвать шкуру снежного тролля. Глаза – два пустых, незрячих бельма. Лишь ярко-рыжие волосы напоминали о том, кем это существо было раньше.

Гафур, не раздумывая, швырнул в чудовище заклятьем, разрушающим связь между душой и телом, но ничего, кроме того, что тварь на мгновение замешкалась, не вышло. Заклинание попросту «стекло» по синей коже, не причинив вставшему из могилы никакого вреда.

Левую руку сдисца опалило болью – «Пирамиды Стабильности» дали знать, что некто только что нанес удар, пытаясь отрезать некроманта от Дара. Атака оказалась столь сильна, что три из пяти «Пирамид» выгорели. Но оставшиеся две позволили удержать магию и захлопнуть первую ловушку. Откат, ударивший неизвестного, оказался крепким и на какое-то время исключил его из игры.

Однако драугр и не подумал напасть на самого опасного противника – колдуна. Вместо этого он прыгнул на северян, едва не зацепив Ра-тона. Тот мягко «утек» возвратившемуся за спину, а один из лучников, выстрелил, но стрела, не пробив кожи, отлетела в сторону. Ха-зон ударил мертвеца топором, оружие со звоном разлетелось, словно было создано из стекла. И в этот момент на порождение Бездны с двух сторон набросилось то, что раньше было свиньями.

Смерть встретилась со смертью и визжащим клубком покатила по поляне. Зубы слуг Гафура оказались не в пример крепче людского оружия. Они безжалостно рвали чужака, пытаясь добраться до сердца. Тот одним ударом сбросил с себя левую тварь, но вторая оказалась у возвратившегося на спине и вцепилась в шею, прилипнув к нему, точно пиявка. Драугр взревел и «утонул» в земле, тем самым сбросив с себя рассвирепевшего охранника.

Потеряв противника из виду, обе чудовищных свиньи начали с визгом носиться по поляне. Северяне собрались в кучу, стали спиной к спине, держа оружие наготове.

Тупицы!

Благодаря собственной магии, возвратившийся может перемещаться под землей. И быстро! Не теряя времени, маг ударил хилссом у себя под ногами, крикнул, заставляя клубящуюся в воздухе силу уйти в землю.

Результат не заставил себя ждать.

Хелблар с ревом выбрался на поверхность. Его шкура дымилась, плоть местами обуглилась. Слуги вновь набросились на него, Гафур пытался разорвать нити, связывающие чудовище с этим миром, но ни разу не подводившие заклинания не дали никакого результата. Драугра что-то держало. И крепко.

Посох в руках сдисца мелко дрожал, выплевывая заклинание за заклинанием, свиньи визжали, драугр выл, северяне рассыпались по поляне, стараясь по совету мага держаться от чудовища как можно дальше. Оба лучника опустошили колчаны, некоторые стрелы попали в те места, где отсутствовала кожа, но, как и следовало ожидать, не причинили твари никакого вреда.

И тогда некромант пошел на хитрость – освободил частичку Дара и вытащил из золы и пепла отражение души мертвой девушки, надеясь, что та поможет ему в этой нелегкой битве. Бесплотный, едва видимый под прямыми солнечными лучами, призрак появился на поляне, но, вопреки ожиданиям Гафура, кинулся не на хелблара, а на Ха-зона, вцепившись одной тонкой рукой ему в волосы, а второй нанося удары по лицу. Человек закричал, попытался сбросить с себя невидимого врага, но ни у него, ни у бросившихся к нему на помощь товарищей, ничего не получилось.

Белый, сыпля страшными проклятьями, разметал собственное заклятье, выбросив привидение во владения Пожирательницы Жизни. Драугр расправился с одним слугой, разорвав его двумя руками, отряхнулся, словно большая собака, заставляя вцепившуюся в его загривок вторую тварь отлететь в сторону вместе со здоровым куском плоти в пасти. Он был искалечен,

но все еще опасен. Проворно настигнув упавшую свинью, возвратившийся обрушил страшные кулаки на ее череп.

Вторая ловушка захлопнулась.

Освобожденные от плоти демоны не собирались никуда исчезать и должны были выполнить последний приказ некроманта. Они бросились по нити, связывающей хелблара и его хозяйку. Совсем скоро неизвестному колдуну придется заняться усмирением чудовищных созданий и забыть о своем подопечном.

Так и случилось.

Прежде, чем драугр бросился на людей, нити, наделявшие его силой, «потекли» и начали таять одна за другой. Гафур воспользовался этим, подскочил к чудовищу, саданул кусающимся хиллсом ему в морду, выкрикивая формулу связывания.

Бухнуло.

Мерзко зашипело.

Возвратившийся с грохотом рухнул на спину. Маг, не теряя времени, встал над порождением Бездны, воткнул острие посоха ему между ребрами, пробив сердце и пригвоздив к земле. Где-то в другом мире оглушительно лопнула последняя из удерживающих жизнь драугра нитей. Белые глаза погасли.

Во все стороны от трупа начал расползаться туман. Поднялся ветер, и над хелбларом образовалась бешеная воронка. Тело словно таяло, Гафур пристально смотрел на него, но в какой-то момент ему пришлось закрыть глаза рукой, таким сильным стал ветер. Когда он вновь обрел способность видеть, возвратившегося больше не было. Вместо него на мертвой серой траве лежал совсем еще молодой рыжеволосый человек. Рядом с ним на коленях стоял Ра-тон. Его лицо было непроницаемо. Остальные северяне, все еще ошеломленные случившимся, стояли за спиной вожака и глазели на мертвого Да-рома.

– Ты все-таки смог его победить, Белый, – сказал Ра-тон. – Мой род у тебя в неоплатном долгу.

– Через несколько минок этот долг станет еще более неоплатным, – нехорошо усмехнулся Гафур. Его мутило, по жилам растекалась предательская слабость, хотелось лечь и уснуть, но колдун остался стоять. – Зачем ты убил их, Ха-зон?

Северянин, лицо которого было исцарапано руками призрака, посмотрел на колдуна исподлобья, но ничего не ответил.

– Нареченная невеста изменила тебе с мальчишкой? Так?

– О чем ты говоришь? – не понимая, нахмурился Ра-тон.

– Я говорю о том, что твой сын не убивал девушку. Ее убил Ха-зон. И Да-рома тоже. Думаю, он застал их вместе. Слишком громкая пощечина, когда лучшего воина обходит какой-то щенок.

– Это правда, Ха-зон, сын Ла-рога? – Ра-тон сжал кулаки.

– Язык южанина – язык змеи. Он лжет.

– Возможно, – тонко улыбнулся Гафур. – Люди часто лгут, но те, кто приходят из-за грани – никогда. Одна из причин, почему появился хелблар – месть. Все это время он искал своего убийцу. Именно потому бросился не на меня, а на тебя.

– Кроме него, рядом оказались еще и все мы, – пророкотал один из Детей Ирбиса.

– О да. Это можно бы списать на случайность, варвар, если бы не одно «но». Вызванный призрак девушки вместо того, чтобы спасти своего любимого и задержать превратившегося в драугра убийцу, бросился на Ха-зона. Вы сами видели. Призрак хотел наказать того, кто отправил его в мир Пожирательницы Жизни. Не это ли главное доказательство? Ты убил, воин. Их обоих. Имей смелость признаться.

Ха-зон напрягся, быстро стрельнул глазами направо, где никого не было, но северяне не дали ему возможности бежать. Несмотря на оказанное сопротивление, они скрутили его,

заломили руки, заставили упасть на колени. Один из воинов схватил убийцу за волосы и оттянул голову назад, обнажая горло...

Дверь в дом старейшины была заперта, но Гафура это не смутило. Он трижды стукнул в нее посохом и стал ждать. Открыла женщина, которая в прошлый раз готовила На-гору отвар от кашля. Не глядя на нее, некромант прошел внутрь и без приглашения сел к столу.

Старейшина был вместе с Ра-тоном, и последний поприветствовал пришедшего, как своего самого большого друга. Некромант вернул ему сына и восстановил честь рода. Дети Ирбиса это ценили.

– Ты был прав, южанин, – На-гор собственноручно налил гостю медовухи. – Ха-зон во всем признался. Да спасет Уг его заблудшую душу.

– Все было так, как я говорил?

– Да. Несмотря на волю родителей, На-ара не любила его и не хотела быть с ним. Они с Даромом собирались уйти из деревни, но Ха-зон им не дал. Выследил и убил обоих. Возвратившийся родился из пламени мести. Спасибо тебе. Ты спас всех нас.

– Рано благодаришь, старик. Бездна дала, Бездна и отобрала, – жестко сказал колдун. – Ты ведь знаешь, зачем я здесь. Поверь, я пойду до конца и, если потребуется, буду выдавливать глаза каждому из тех, кто здесь живет. Пока не услышу то, что хочу. Ты веришь мне?

На-гор какое-то время молчал, пристально глядя на огонь в очаге, затем вздохнул:

– Я верю тебе, Белый. Ра-тон. Оставь нас.

Рыжий великан, не понимая, что происходит, встал.

– Боишься прошлого, старейшина? – приподнял густые брови некромант.

– Нет. До сегодняшнего дня боялся. Теперь уже нет. От прошлого не убежишь.

– Тогда пусть он останется. Я не вижу причин скрывать наш разговор.

На-гор едва заметно кивнул, и Ра-тон, недоумевая, сел на свое место.

– Как ты догадался, маг? – казалось, старейшина разом постарел еще на восемьдесят лет.

– Это просто. Ты прав, что возвратившийся пришел ради мести. И не прав. Если бы дело было только в личной мести, из могилы встал бы обычный мертвец. Ну, или, в крайнем случае, кровосос, который выпил бы вашего лучшего воина и на том успокоился. Но земля родила драугра. Какой бы лютой не была человеческая месть, она не способна привести в мир такое. Он убивал всех без разбора. Пожирал души. Набирался сил. И не только он. Я знаю, что у хелблара был хозяин. Я знаю, что это он питался душами тех, кого убивал его пес. Так он мстил вам. Именно его магия привела возвратившегося к жизни. И теперь я жду ответа от тебя, старик.

– Ты пришел не просто так. Искал его?

– Да. Я искал. Хотя и не ждал, что найду таким. Так расскажешь мне, как вы его убили?

– Ты и это знаешь?

– Иначе бы ему не пришлось питаться душами, – пожал плечами Гафур.

На-гор устало прикрыл глазами:

– Я уже говорил, что от прошлого не убежишь. Хотя мы и надеялись, что оно больше не вернется в нашу деревню. Я последний, из тех, кто помнит. Все остальные давно пируют в ледяных чертогах Уга. В то время мне было всего несколько зим. Да... Он пришел к нам восемьдесят пять зим назад. Из-за курганов. Так же, как и ты, он носил белую мантию и посох, увенчанный черепом. В прошлый раз я солгал тебе в том, что некроманты Сдиса никогда не доходили до нас.

– Я знал это, – лицо Гафура было спокойно. – Продолжай.

Старик кивнул, затем улыбнулся в бороду:

– Столько времени прошло, а я помню его лицо. Зло трудно забыть.

– Здесь я с тобой согласен, – криво улыбнулся некромант. – Добро люди забывают гораздо быстрее. Что он сделал?

– Мы не хотели пускать его в деревню. Тому, кто пирует со Смертью, не место среди нас. Колдуну это не понравилось, и он начал убивать.

– И вы – уничтожили его?

– Не сразу. Нет. Мы сражались. Видит Уг, храбро, но он все шел и шел, а за ним вставали те, кто прежде были нашими братьями. Его убили случайно. Уг направил стрелу одного из воинов. Вот и все.

– Именно поэтому на этот раз вы решили пустить некроманта. Что же. Некоторые уроки идут на пользу. Я услышал тебя, На-гор, сын За-рона. Не знаю, сказал ты мне правду или нет, сейчас это уже не важно.

– Ты не станешь мстить?

– Мечь – не лучшее наследство, – покачал бритой головой Гафур. – Она разъедает изнутри, как стая голодных плотоядных червей Керуфа.²⁵ К тому же, за того, кого вы убили, мстить не стоит. Он изгой и отступник. Круг отказался от него и желал наказать, но он бежал.

– Ты лукавишь, колдун, когда говоришь, что искал его. Ты не мог не знать, что этот человек давно уже мертв. Слишком много лет прошло с тех пор.

– И все же я его искал, старик. Многие из Круга все эти годы искали. Но так случилось, что нашел я. Скажи, что вы сделали с телом?

– Его отнесли подальше от деревни. На юг. Там в лесу старые пещеры. Его закопали возле них. Вбили в грудь кол, засыпали солью, посадили дикий лен. Старейшины запретили жителям туда ходить. Сказали, что у пещер живет зло.

– Разумный поступок. Жаль, они не догадались сжечь тело. Соль и лен не давали его духу обрести силу, но и только-то. Он был магом Восьмого круга, а таких не столь просто убить. Давай я догадаюсь. Именно к пещерам для любовных игр бегали Да-ром и На-ара? Они знали, что никто их там не увидит, а сами были не склонны верить старым сказкам. Какая самонадеянность.

– Да. Именно там их нашли убитыми.

– Не удивлюсь, если это произошло рядом с могилой. Только кровь могла вернуть дух колдуна из Бездны. Он обрел жизнь. Или не-жизнь. Стал тем, кого в моих землях называют личем. А потом создал вам на погибель и себе в помощь драугра. Тот накачивал хозяина душами и делал сильнее. Жаль, что я понял это только после той ночи в деревне. Время было упущено, а душа Ходящей, прости, старик, ценнее всех остальных. С нею лич стал очень силен.

– Ты с ним справишься?

– Разве я говорил, что пойду туда?

– Думаю, твоей целью было не только узнать, что случилось с вашим отступником. Вряд ли рассказ полуслеплого старика стоил долгой дороги из Сдиса.

– Все имеет свою цену.

– Ты, словно снежный кот, очень долго ходишь кругами, колдун, – устало прикрыл глаза На-гор. – Скажи, что тебе нужно?

Гафур посмотрел на молчаливого Ра-тона, затем на старейшину.

– Когда отступник покинул нас, он взял кое-что с собой. То, что столетиями принадлежало Кругу. Именно за этим я сюда и пришел. Что вы сделали с его вещами?

На-гор сухо рассмеялся:

– Неужели ты думаешь, что я храню их у себя под полом? Никто не согласится оставлять в доме зло. Я не знаю, что с ними стало, и как тогда поступили старейшины. В детстве

---

²⁵ Керуф – один из заброшенных городов Великой пустыни.

не думаешь о таких вещах. Может, их сожгли. А может, закопали вместе с телом. В любом случае, в деревне их нет.

– Тогда мне не остается ничего иного, как пойти туда. Как мне найти это место?

– Я провожу, – наконец-то подал голос Ра-тон.

– Не в моих правилах говорить об опасности, но я скажу. Ты можешь не вернуться, варвар.

– Я просил не называть меня варваром, колдун. И я доведу тебя. Моя семья в долгу перед тобой.

– Очень благородно, – фыркнул Гафур. – Впрочем, это твой выбор и твоя жизнь. Поступай, как хочешь.

– Ведь ты делаешь это не ради нас? – сказал старейшина.

– Ты прав. У меня свои причины.

– И если бы их не было, ты бы прошел мимо?

Гафур очень долго молчал, затем встал, подхватил посох и пошел к двери. В последний момент он остановился, обернулся и с загадочной улыбкой, произнес:

– Позволь мне не отвечать, старик. Ты ведь знаешь верный ответ.

– Знаю, – вздохнул тот. Было видно, что он очень устал. – Ступай с Угом, гость. Я буду молиться за тебя.

– Молитва мне не помешает, – кивнул колдун и вышел.

Белки в кедровом лесу оказались огромными, злыми и скандальными. Чужаков, покусившихся на их земли, они не жаловали. Перепрыгивая с ветки на ветку, негодуя орала «чак-чак», баламутя спокойную тишину. Одна нахалка даже запустила в Ра-тона пустой шишкой, но промахнулась, и тот погрозил ей кулаком, чем заработал новую волну возмущенных воплей.

Северянин с топором в руках вышагивал впереди, показывая дорогу. Они шли на юг уже больше нара, но, сколько ни пытался маг почувствовать присутствие чужой воли, у него ничего не получилось. То ли лич затаился, то ли оказался даже сильнее, чем полагал Гафур.

– Долго еще?

– Нет. Почти дошли. Видишь вон ту прогалину? Сразу за ней.

– Тогда остановись. Мне нужно немного времени.

Сдисец присел, разложил вытасщенные из сумки пузырьки. Обновил рисунок на левой ладони, вытер кисточку. Затем вытащил пробку из крайнего пузырька с прозрачной жидкостью, понюхал. Поморщился. Не успокоившись на этом, открыл еще два.

– Откуда в лесу пещеры?

– Не знаю. Они были здесь всегда.

– Что ты о них знаешь?

– Я туда не спускался. Запретное место. Но ходят легенды, что они большие.

– Очень ценные сведения, – нахмурился колдун. – Не бойся того, что сейчас произойдет.

И сиди спокойно.

Белый залпом выпил все три пузырька. Закашлялся, выгнулся дугой от нестерпимой боли.

Когда судороги закончились, кожа его больше не была смуглой. Она стала бледной, восковой, почти прозрачной. Брови и борода – седыми. Глаза, включая белки, – алыми, а зрачки вертикальными, точно у кошки.

– Идем, варвар. Я уже могу стоять на ногах.

– Не называй меня варваром. Ты похож на привидение, колдун.

– Возможно, ты и прав. Но это не даст ему ощутить мой Дар и увидеть меня. Так что я готов поиграть в привидения.

– Я тебя вижу.

– Ты пока еще жив, – бескровные губы улыбнулись. – Идем. У меня не так много времени.

В какой-то момент Гафур понял, что больше не слышит белок. Не пели птицы, не стрекотали насекомые. Даже ветер, прыгавший по верхушкам кедров, куда-то делся. В этой части леса висела оглушающая, звенящая тишина.

– Он знает, что я пришел, и ждет.

– Тебе виднее. Вон вход в пещеры.

То ли невысокий холмик, то ли высокая кочка. Огромный, заросший грязно-зеленым лишайником камень нависал над черным, высотой в человеческий рост, провалом, уводящим во тьму.

– А вот и могила.

Гафур прошел к развороченной земле, находящейся совсем недалеко от спуска в пещеру. Заглянул в глубокую яму. Затем, не обращая внимания на то, что земля пачкает мантию, спрыгнул вниз. Внимательно изучил кости, остатки истлевшей мантии, проржавевшие ножны с кри-вым, все еще блестящим клинком из сдисской стали.

– Это он? – пророкотал стоящий на самом краю могилы Ра-тон.

– Да.

– Черепа нет.

– Естественно. Духу требуется вместилище, а череп для этого самый лучший сосуд.

– И куда же он делся?

– Улетел, – усмехнулся некромант, несколько не погрешив против истины.

Ра-тон протянул руку и помог колдуну выбраться из могилы.

– Там нет того, что ты ищешь?

– Нет.

– Как он мог забрать посох? Ведь это тебе нужно?

– Внимательно послушай, что я тебе скажу, человек, – вместо ответа сказал сдисец. – Следи за солнцем. Если я не вернусь к тому времени, как его край коснется верхушек деревьев, уходи. Если поспешишь, у тебя останется время, чтобы увести жителей деревни в курганы. Алтарь Уга даст вам возможность пережить ночь. Туда лич не сунется.

– Ты считаешь, что если умрешь, колдун придет к нам?

– Если я умру, у него будет моя сила. И мое тело. Лучше бы вам быть отсюда как можно дальше. Если выстоите ночь, на следующий день уходите из этих мест прочь. Ты все понял?

– Да. Я буду ждать тебя, сколько смогу.

– Польщен, – сказал некромант, и алые глаза насмешливо сверкнули.

– Скажи. Что с душой моего сына? Она у Уга?

– Нет. Она под землей. У него.

Не оглядываясь, он поспешил к зияющему входу в пещеры.

Пол, влажный от стекающих с поверхности дождевых и талых вод, был неровным, а сам коридор таким узким, что в нем едва-едва могли разминуться два человека. Потолок нависал над самой головой, щерясь острыми зубами выступов. Даже неопытный человек мог понять, что пещеры нерукотворны. Все сделала вода. Об этом говорили форма и рисунок стен, и едва слышное журчание, доносившееся откуда-то из глубины.

Шагов через тридцать коридор повернул под прямым углом и, словно какая-нибудь рыба, резко нырнул вниз. Солнечные лучи сюда уже не проникали, и сдисец попал в объятия недружелюбного мрака. Но темнота не смогла заставить его остановиться, а тем паче – повернуть назад. Маг не стал высекать огонь или вызывать магических светлячков. Хотя тьма и скрывала угрозу, в то же время она являлась и защитником, свет сейчас был совсем не к месту. Да колдун и не нуждался в его присутствии. Измененные магией и эликсирами алые глаза с расширивши-

мися вертикальными зрачками улавливали мельчайшие оттенки мрака и позволяли человеку видеть так, словно он был на поверхности.

Гафур ступал мягко, его скроенные из мягкой кожи речного дракона²⁶ сапоги не издавали ни звука. Он настороженно вслушивался, но чуткое ухо не улавливало ничего, кроме далекого гула подземного потока. Через каждые пятнадцать шагов сдисец останавливался, прижимался к одной из стен, считал до десяти, затем, используя маленькую толику Дара, «прощупывал» окружающую его действительность, в надежде почувствовать гнетущее присутствие чужой силы. Но на его мысленный призыв отзывались лишь холодные камни. И ответом было – равнодушие.

Он долго шел, давно потеряв счет времени. Коридор разросся, его своды ушли в высоту, стены раздались в стороны. Откуда-то снизу неприятно дохнуло холодом. Здесь властвовало полное безветрие и вода. Много воды. Она была на полу, скапливалась в нишах, превращалась в небольшие озера с черной мутью. Началась череда холодных, однообразных, похожих друг на друга неуклюжих залов. Некромант полагал, что если спуститься еще ниже – на стенах выступит иней. Глубина не слишком велика, этим пещерам далеко до гробниц Аль-Джагуула,²⁷ зарытых в пески Великой пустыни, но на севере земля не прогревается даже летом.

То и дело в стенах появлялись ответвления, предлагающие путнику заглянуть в новый коридор или зал. В каждом из них мог затаиться враг, но колдун предпочел держаться главной дороги и не лезть в узкие лазы, рискуя шеей. Он был уверен, что лич знает о его присутствии, и рано или поздно они найдут друг друга. Весь вопрос в том, кто первым это сделает.

От ответа на него зависело многое, ибо некрмант понимал, что вряд ли случится длинный поединок. Бой не будет напоминать сражение на мечах. Здесь требуется не меч, а кинжал. И бить им лучше всего – в спину.

Сдисец поравнялся с летящим откуда-то сверху ревущим водным потоком. Миновал его. Подземные залы вновь изменились. Вода осталась позади, и пещеры теперь напоминали ячейки сот плотоядных шершней, а, быть может, сырные дыры. Стало настолько холодно, что если бы тело некрманта не оказалось подготовлено к этому, оно бы тряслось так, что стучали зубы. Здесь повелевала зимняя стужа, и будь у сдисца факел – миллионы кристалликов льда на стенах искрились бы, словно миллионы звезд на черной обивке Сахаль-Нефульского неба. Ноги то и дело скользили – каменный пол покрывала невидимая, но весьма ощутимая ледяная корка.

Гафур отрешился от холода. Забыл о нем. Перестал быть живым человеком из крови и плоти. Стал точно таким же, как враг. Холодным. Неосязаемым. Мертвым. Даже пар не вырывался из его рта и ноздрей, а сердце билось столь медленно и слабо, что любой мог принять колдуна за оживший труп или за бесплотного призрака.

На пути оказался один из немногих в этой части пещер перекрестков, но колдун проигнорировал его и, прислушавшись, наверное, в тысячный раз, двинулся дальше. Вперед. Только вперед. Он остановился, когда оказался в низком, очень широком зале с плоским каменным потолком, огромными наростами сосулек на стенах и снегом, слежавшимся на полу в плотную кору. Эта пещера никуда не вела, и некрмант разочарованно поморщился. Более ярких эмоций он себе не позволил.

Пришлось возвращаться к перекрестку. Решая, в какую сторону идти, сдисец краем сознания ощутил незримое присутствие чужака. Тот осторожно «прощупывал» местность, надеясь узнать, где скрывается незванный гость.

Паук проявил себя.

---

²⁶ Речной дракон – крокодил.

²⁷ Аль-Джагуул – один из проклятых городов-призраков Сдиса.

Маг улыбнулся одними губами, и такова была его улыбка, что узри ее любой из смертных – бросился бы в страхе прочь, крича и умоляя богов о милости. Ибо не было в гримасе тонких лиловых губ ничего человеческого.

Заклятье колдун приготовил уже давно, пускай на его создание ушел не один нар кропотливой и не самой приятной работы. Оставалось лишь заплатить за него кровью. Об этом маг тоже позаботился заранее и, вытащив из сумки маленький пузырек, вылил его темное содержимое на холодный пол. Спустя уну рядом с Гафуром-призраком встал Гафур-человек.

Теплый. Живой. Настоящий.

Такой лакомый и доступный.

Некромант и морок кивнули друг другу, словно старые приятели, а затем обманка выхватила из ножен кривой меч. Его лезвие вспыхнуло багровым. В следующую уну клинок, поднявшись на высоту человеческого роста, поплыл прочь, в сторону левого коридора, освещая стены всполохами магического огня и заставляя гротескные тени плясать под потолком.

Следом за мечом, шагах в семи, опираясь на посох, пошла обманка, сейчас являющаяся куда более человеком, чем ее красноглазый повелитель. Гафур отпустил свое создание на тридцать шагов вперед и, крадучись, пошел за ним, следя, чтобы багровое зарево не удалялось, но и не приближалось. Так они и брели пустыми коридорами, минуя ледяные дворцы и каменные статуи, высеченные самой природой. Проходя зал за залом, колдун надеялся заставить затаившегося лича напасть, а затем сделать то, что ему было предназначено Кругом. И вот, когда он уже начал подумывать о том, что его хитрую уловку раскусили, и враг не проявит себя должным образом, хилсс мелко задрожал, предупреждая о надвигающейся угрозе.

Удар оказался стремительным. Заклятье, более всего похожее на черный многогранный бриллиант, прилетело откуда-то из-за гигантских сталактитов и, не долетев до «обманки» добрых тридцати футов беззвучно лопнуло. На его месте оказалось два бриллианта поменьше, в свою очередь лопнувших и родивших четырех меньших собратьев. Когда удар настиг пустышку, вокруг было уже больше шести десятков черных, точно Бездна, камней, каждый из которых был величиной с куриное яйцо.

Гафур остановился, наблюдая, как его творение корчится от боли и теряет расползающуюся плоть, воя столь правдиво, что любой держатель Услады караванов²⁸ обязательно взял бы для своего представления столь выдающегося актера. Багровый меч бросился вправо, показывая некроманту, где скрывается лич. Но клинок не дотянулся до врага и, задрожав, словно мираж над пустыней, рассыпался сонмом беззлобных искр.

Когда все было кончено и в белой окровавленной мантии обманки остались лишь обугленные кости, сидица позволил себе на несколько шагов приблизиться к расставленной ловушке и, вжавшись в стену, затаиться.

Лича он увидел не сразу. Сутулая, широкоплечая, полупрозрачная фигура мелкими шажками вышла из-за каменных колонн. Лишь череп с мертвенно-голубыми, сияющими точно гнилушки, глазами да хилсс оказались материальны – все остальное было призрачно-серым и зыбким. Гафур во все глаза смотрел на черный посох в бесплотных руках. На его древке были золотые насечки, тускло блестящие в свете глаз мертвого мага. Они складывались в сложную вязь древних, как сам этот мир, рун. Восемь позвонков в верхней части переходили в рубиновой череп, шипящий и излучающий мощь самой Бездны. Великий Посох некромантов Сдиса. Тот, что когда-то вручили Восьмому Кругу сами Проклятые. Утраченный восемь десятков лет назад и вновь с таким трудом найденный на самом краю мира.

Сила, заключенная в хилссе колдуна, начала действовать на плетение заклатья-обманки, и то «поплыло». С каждой уной Гафуру становилось все сложнее удерживать его в руках.

---

²⁸ Услада караванов – восточный трактир, находящийся на торговых путях.

Ждать больше нельзя. В любой момент лич мог понять, что его банальнейшим образом надули. И некромант ударил, вложив в заклинание все силы, весь опыт, всю злость и ненависть. О, многие из его ордена восхитились бы сложностью вязи и, в то же время, гениальной простотой заклинания... Редко кто отваживался рискнуть связать в одну основу тьму и свет, дать им пропитаться собственной душой, а потом отдать все это на растерзание Пожирательницы Жизни и не испугаться, что вместе с колдовством смерть может забрать и твое тело. Но у Гафура не было иного выбора. Он хорошо понимал, что того, кто впитал в себя такое количество душ, ничем иным не проймешь. И поэтому рискнул.

Не было ни громов, ни молний, ни ослепительных вспышек, ни рева призванных демонов. Всего лишь ветер. Легкий, как утренний бриз на воде Устричного моря. Он вором скользнул за спину лича, исподтишка обнял за плечи, взметнул призрачную мантию, а затем, когда ничего не подозревающая жертва оказалась в его власти, взвыл на ухо и начал раздирать стальными когтями то, что связывало дух отступника с телесной оболочкой.

Тварь, поняв, что попала в ловушку, скрипнула, словно старый сверчок, попыталась сбросить с себя смерть, но «Ветер Обуздания» не такой простой противник. Нельзя убить тьмой то, что содержит в себе свет. Свет отбивается только светом, и только тогда на его место решается прийти тьма.

Отступник не умел этого делать. Или не смог. Или не успел.

Зато он успел сделать кое-что другое. Швырнул во все стороны рой боевых заклятий. Лич не знал, где его убийца, не видел его, но понимал – тот где-то рядом, и был уверен, что он не уйдет безнаказанным.

Так и случилось.

Гафур был слишком занят контролем над ветром и когда выбросил перед собой сотканный из мрака щит, было уже слишком поздно. Что-то ледяное, сверкающее и гладкое, без труда раздробило выставленную преграду, ударило некроманта в правый бок, обжигая нестерпимым холодом... Сдисец застонал и, ослепнув от боли, упал на колени. Но хватки не ослабил. Доделал начатое и лишь после этого потерял сознание.

Много позже, когда ноги и руки стали непослушными от холода, он очнулся и понял, что все еще жив. Эликсиры перестали действовать. Впотьмах нашарив свой хилсс, маг прошептал формулу, и посох замерцал серым светом, заставляя мрак отступить. Бок был мокрым, его терзала ужасная боль. Запретив себе думать о ней, некромант с грехом пополам встал и проковылял туда, где лежал череп колдуна.

С искренней благодарностью он прочитал молитву. Задуманное получилось. Дух был мертв, и глазницы черепа больше не пылали огнем. Пускай за это Гафуру пришлось заплатить жизнью. Сдисец знал, что с такой раной долго не прожить. К смерти он относился спокойно, хотя и жалел, что умрет среди камня и льда, никогда больше не увидев солнца.

Но прежде, чем умереть, он должен был сделать еще одно, последнее дело.

Колдун обнажил меч, и руны на клинке налились кровью. Одним мощным ударом маг расколол череп, и тут же в потолок пещеры ударил ослепительный столб сияющего перламутрового света. Отступив на шаг, некромант на мгновение прикрыл глаза ладонью. Вокруг него слышался радостный плач, веселые крики, смех. Из страшного плена одна за другой вырывались души тех, кого пожрал драугр, и кто придавал личу силу. Яркие, словно весенние бабочки, и легкие, точно лебяжий пух, они осенними листьями закружились вокруг своего спасителя, и каждая говорила слова благодарности.

Они походили на теплых солнечных зайчиков, больших и маленьких, ярких и пылающих. И, если присмотреться, в них можно было увидеть образы тех, кому суждено уйти за грань. Два пульсирующих светлячка прошли рядом, и Гафур узнал лик девушки и того, кто был сыном Ра-тона. Промелькнуло лицо Ходящей.

Сгинуло и прошло.

Нахлынуло и исчезло.

Единые и многоликие, они танцевали все быстрее и быстрее, пока не превратились в размытые пламенеющие росчерки, сложившиеся в кокон, обнявший сдисца. Мягкое тепло окутало его тело, и боль стала уходить, а жизнь возвращаться. Каждая из бабочек света отдавала тому, кто нес в себе тьму, частичку себя. Это продолжалось бесконечно долго и длилось всего лишь один миг, а затем пропало, под смех хрустальных колокольчиков, слившись с мраком в одно целое.

Он выбрался на поверхность, когда Ра-тон уже потерял всякую надежду. Грязный, с запавшими глазами, в порванной, окровавленной белой мантии. С двумя посохами и загадочной улыбкой на тонких капризных губах.

Гафур ибн Асад аль Сахаль-Нефул сидел на душистой траве, не слушал рычания варвара, перевязывающего его почти затянувшуюся рану, щурясь точно кот, смотрел на ласковое вечернее солнце.

И улыбался.

Цена свободы

Кнофер хорохорился до последнего. Говорил, что у него есть влиятельные друзья, и стражники во главе с комендантом будут ползать перед ним на коленях, вымаливая прощение. Мол, выпустят, никуда не денутся, а нет, так он живо научит скотов вежливости.

Обычная болтовня маленького человека. Быть может, у него и были могущественные покровители, но за те два дня, что я здесь находился, никто не вытащил старину Кнофера. Однако малый по-прежнему отказывался верить, что влип так же крепко, как и остальные. Так продолжалось до той поры, пока не заскрипела, отворяясь, решетка и в полутемный подвал не вошли вооруженные стражники.

– Подъем, висельники! Тощая вдова заждалась! – крикнул один из них.

Кнофер тут же рухнул на пол, завопив, что это ошибка, он не виноват, у него есть друзья, которые вот-вот вытащат его отсюда. Он рыдал, кашлял, размазывал по лицу слезы и сопли, а затем пополз в самый дальний угол. Встреча с Тощей вдовой не самое радостное событие в жизни.

– Вот и пришло наше времечко, – вздохнул Старый Олл.

– Что-то рано, – сказал я. – Обычно они так с утраца развлекаются.

– Хрен их поймешь. По мне, так закат ничуть не хуже рассвета.

– Не скажи, – подал голос здоровенный парень, имени которого я так и не удосужился узнать. – Могли бы пожить чуть-чуть дольше.

– А ну, заткнулись там! На выход, покойнички!

Спорить и сопротивляться – себе дороже. Пятеро заключенных против двадцати хорошо вооруженных солдат не имеют шансов на успех.

Все, кроме Кнофера, вышли в тюремный коридор.

– Эй! – крикнул стражник. – Вылезай, крыса! Слышишь?!

Несчастный рыдал и выл, без остановки повторяя, что никто не имеет права так поступать с людьми, и они все очень-очень пожалеют. Командир отряда потерял терпение, и больше с упрямцем никто не церемонился. Его выволокли из камеры за ноги, врезав по ходу дела по зубам, чтоб перестал брыкаться.

Нам связали руки за спиной, стянув веревку так, что я поморщился.

– Двинулись! И без глупостей у меня!

– А как насчет последнего желания? – поинтересовался Старый Олл.

– Вот попадешь в Счастливые Сады, там хоть обжелайся. Двинулись, я сказал!

Кнофер совсем ошалел от страха, и его пришлось тащить. Это обстоятельство настроения стражи не улучшило.

Мы прошли длинным коридором, дождались пока отомкнут внешнюю решетку, затем поднялись по широкой лестнице на первый ярус тюрьмы. Еще один переход: мимо караулки, мрачных солдат с алебардами, множества чадающих факелов, и – вот она, последняя дверь.

Тюремщик зазвенел ключами, отомкнул замок, и нас, шурящихся с не привычки от дневного света, вывели в небольшой тюремный двор. Здесь находились помощник коменданта, чиновники из городского совета, лекарь, писец, служитель Мелота, ну и палач с двумя помощниками.

Стоящая в центре двора виселица, казалось, смотрела на нас. Впечатление она производила неприятное – два вкопанных в землю столба с перекладиной. И четыре петли. Четыре. Не пять. Кому-то из нас придется ожидать своей очереди.

Увидев Тошую вдову, Кнофер обделался, кто-то из солдат грязно выругался. Один из чиновников брезгливо поморщился.

– Пошевеливайтесь, покойнички. Вас уже заждались.

Стражник подтолкнул меня вперед. Вот и пожил, забери меня Бездна. Я, сплюнув, последовал за Старым Оллом.

– Ты! Светловолосый! Стой. Чуч, Март, вначале этого. Пусть на веревке брыкается.

Кнофер попытался сопротивляться, но бедолагу быстренько утихомирили. Я смотрел, как его вместо меня тащат на виселицу. Не могу сказать, что очень уж сожалел, что уступил свое место другому. Скорее, наоборот.

– Повезло тебе, парень, – один из стражников усмехнулся по-доброму.

Я пожал плечами.

– Неужели не рад?

– Чему радоваться? Я от нее все равно не убегу. Рано или поздно буду висеть со всеми.

– Что? Не боишься умирать? – спросил другой.

– Привык.

Я, и вправду, не боялся. Когда из года в год отправляешься на прогулку по Сандону,²⁹ да еще и четырежды встречаешься с рыжими Высокоублюдками из Дома Бабочки, то быстро привыкаешь к тому, что Смерть стоит за левым плечом. Умирать, конечно же, не хочется, но вот бояться... Разучился, наверное.

Сейчас учиться заново поздно. Хотя... можно умереть и не в петле. По крайней мере трое арбалетчиков не спускают с меня глаз. Бежать, а тем паче сопротивляться, бесполезно, но вот вынудить их стрелять можно запросто. Я прикинул варианты и отказался от этого поступка. Болт в животе гораздо неприятнее петли на шее.

Между тем, все было готово. Какой-то тип зачитал приговоры и обвинения, писец все прилежно занес в свитки, служитель Мелота³⁰ прочитал короткую молитву. Стоящие рядом со мной солдаты стали делать ставки, кто протанцует с Тощей вдовой больше других. Все считали, что Кнофер, уж слишком крепко цепляется за жизнь – ему и выигрывать. Из рук в руки стали переходить сорены.

Помощник коменданта отдал приказ, и палач прошел вдоль виселицы, выбивая из-под ног приговоренных опору. К вящему разочарованию игроков, дольше всех за жизнь цеплялся Старый Олл. Я усмехнулся. Мысленно ставил именно на старика. Он был крепким малым, так что полностью оправдал возложенное на него доверие. Интересно, сколько мне отпустит петля до того момента, как придется умереть?

Казненные мирно покачивались на веревках, солдаты разговаривали между собой, помощник коменданта мило беседовал с жирдяем горожанином, и я стал подумывать, что обо мне забыли. Но нет:

– Эй! Снимите крайнего, – распорядился командир. – У нас тут еще один висельник.

Помощники палача засуетились, пытаясь избавить петлю от тощей шеи Кнофера.

– Двигай.

Я мрачно посмотрел на стражника. Торопыга.

– Не вынуждай тащить тебя.

Я прошел половину дороги, когда через внешние ворота вбежал толстый запыхавшийся мужчина. Все присутствующие с удивлением воззрились на коменданта. У этого красномордого пожилого человека не было привычки бегать, куда бы то ни было. Скорее наоборот.

– Слава Мелоту. Успел, – отдышавшись, сказал он и посмотрел на меня так, словно я был его самым лучшим другом.

До сегодняшнего дня я не верил в чудеса и благоволение богов. Тем сильнее было мое удивление, когда, раздосадованные отменой казни, стражники разрезали веревки у меня

---

²⁹ Сандон – лес Высокородных.

³⁰ Мелот – божество, в которое верят люди Хары.

на руках и повели следом за спешащим комендантом. Я бросил последний взгляд на виселицу. Избежать знакомства с Тощей вдовой удалось самым счастливым образом. Весь вопрос – надолго ли?

Топая под конвоем, я не переставал думать о причинах отсрочки казни. Раньше ребята с расправой не слишком мешкали и в подробности преступлений не вдавались. Раз виновен, то вперед, в петлю. Или на рудники. В пограничных городках нет времени заниматься ерундой, вроде выяснения причин того или иного убийства. Когда у тебя под боком Сандон, не доглупостей...

Что им могло от меня понадобиться?

Мы пересекли внешний тюремный двор, подошли к невысокому зданию. Комендант спешил так, словно от этого зависела его жизнь. Наконец он остановился перед дубовой дверью, поспешно распахнул ее.

– Милорд, тот человек, которого вы искали, здесь. Вам оставить охрану? Хорошо, если что, мы будем за дверью. Заходи!

В комнате находились двое. Первый был уже немолод, с густыми неопрятными усами и глубоко посаженными маленькими глазками. Лицо грубое, нос большой, но обращение «милорд», которым воспользовался комендант, заслуживало внимания. На этот раз со мной собирались говорить не имперские дознаватели. Большая шишка. Незнакомец восседал за столом и с мрачным интересом изучал мою физиономию. От таких людей ничего хорошего не жди.

Второй, невысокий и всего лишь на несколько лет старше меня, сложив руки на груди, стоял у окна. Этого я знал. Как-никак пять лет провел под его началом. Эгрэн Туа, командир «Стрелков Майбурга». Точнее, мой бывший командир. В тот момент, когда я оказался за решеткой, меня сочли паршивой черной овцой и продали городским со всеми потрохами. В одно мгновение я стал чужим, точно и не было тех лет, боев и невзгод, что мы пережили вместе.

Бойцы своих не бросают. Я рассмеюсь в лицо тому, кто скажет это в следующий раз. Быть может, в других местах как-то иначе, но среди «Стрелков Майбурга» и у их вшивого капитанчика иные порядки. На мой взгляд, Эгрена не оправдывает даже то, что я, действительно, был виновен. Нельзя выбрасывать тех, кто плечом к плечу отражал с тобой набег Дома Бабочки. Я вновь почувствовал злость на этого хорька. С радостью бы двинул ему в зубы, но не уверен, что сейчас это будет разумным поступком.

– Это он? – спросил у Эгрена незнакомец.

– Да, милорд Ожон.

Усатый хмуро посмотрел на меня.

– Нет времени ходить вокруг да около. Я рассказываю, ты слушаешь. Потом говоришь, согласен или нет. Понятно?

– Понятно.

– Сегодня мы должны были подписать мирный договор с Высокородными. В самый последний момент, когда все уже было готово, одному из остроухих пробили шею стрелой. Эту неприятность... – он всем видом показал, что смерть эльфа неприятностью не считает, и тут я был полностью на его стороне, – ...удалось кое-как... сгладить. Мы не порубили друг друга в капусту, но все договоренности оказались под угрозой. Наместнику, а тем более – Императору, это не понравится. Эльфы в бешенстве, но у них нет прямых доказательств, что убийство совершили люди. По мне, так какой-то из Домов решил воспользоваться ситуацией и замутить воду. Не все лесное племя поддерживает идею мира с Империей. В общем, так. Стрелка не нашли. Ни мы, ни они. Судя по следам, он ушел на восток. В Сандон. Или взял южнее, к отрогам Самшитовых гор. Высокоблудные отправили в погоню несколько отрядов,

но этого мало. Во-первых, мы опасаемся, что убийство все еще могут повесить на нас. Это значит – новый этап войны. Ты успеваешь за моими мыслями или говорить медленнее?

– Успеваю.

– Чудесно. Во-вторых, эльфы поставили условие, что мы должны проявить свои добрые намерения и помочь им в поимке преступника. Его следует взять живым и притащить назад, пред светлые очи Наместника и эльфийского дельбе. Теперь, что касается тебя. Эгрэн говорит, ты отлично знаешь места, куда отправился стрелок.

– Я не единственный из гулявших по Сандону, – было понятно, что мне предложат.

– Все, кто был, уже ушли с поисковыми отрядами.

– Простите, милорд, тогда я не понимаю, для чего вам понадобились мои услуги.

– К вечеру несколько... – он помедлил, – ...лиц пожелали принять участие в этом деле.

Им потребовался опытный проводник. Ты – лучшее из худшего, что у нас есть. Искать других – нет времени.

– Я не следопыт.

– Ты нужен как проводник. И только если беглец ушел в горы. Как я слышал, ты хорошо знаешь те места. Эльфы, хоть земля и принадлежит им, камней не любят.

Я насторожился.

– Только горы? Не Сандон?

– В своем лесу Высокородные в проводниках не нуждаются.

Все стало на свои места.

– Вы предлагаете мне стать проводником у этих ублюдков?!

– Я предлагаю тебе помочь нам или отправиться на встречу с Тощей вдовой. Уверю, во второй раз она тебя так просто не отпустит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.